

Роман ЧЕПИГА
Константин КУПЕЕВ

CAMPUS GIPSUS

Ришон ле-Цион
2013

Роман ЧЕПИГА
Константин КУПЕЕВ
"CAMPUS GIPSUS"

Печатается в авторской редакции
Автор несёт ответственность за все использованные в
книге материалы

Охраняется законом об авторском праве. Перевод,
копирование, воспроизведение или распространение
всей книги или любой ее части каким-либо способом,
в том числе электронным, воспрещается без
письменного разрешения правообладателя и будут
преследоваться по закону.

*Иллюстрации Мири Брагинской. Рисунок на передней
обложке Романа Чепига, на задней обложке Мири
Брагинской.*

© Роман ЧЕПИГА, Константин КУПЕЕВ, 2013

ISBN:978-965-559-006-7

Все права сохраняются за автором.
All rights reserved.
כל הזכויות שמורות

Издательство "MEDIAL" 2013
Ришон ле-Цион, ул. Сахаров 11, тел. 03-9415111

Посвящается

*художнику, мыслителю и поэту
Виктору Сергеевичу Романову-Михайлову
и всем обитателям его квартиры
(ул. Рылеева, д.5, кв.1).*

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
СХОЛИЯ I.	
РАННЯЯ ПОВЕСТЬ И ДНЕВНИКИ ДЖАКОБА	6
<i>ПОВЕСТЬ ДЖАКОБА</i>	6
<i>ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ДЖАКОБА</i>	25
СХОЛИЯ II.	
РАЗГОВОРЫ ДЖАКОБА И КАРЛА.....	31
СХОЛИЯ III.	
ГОТИКА.....	45
<i>ДНЕВНИКИ БОНИФАТИЯ</i>	46
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	95

Предисловие

Тексты СГ были созданы в Москве в период 1981-1988, некоторые ранее. Большинство стихотворений были написаны в стиле импреокларизма. Первым из них является поэтический текст Романа (предположительно, "Люди меняющие обряды", 1978), впоследствии появились другие, и направлению было дано название. Эти стихотворения были опубликованы нами в самиздатских сборника Volvox (Москва), под псевдонимами Константин Пеев и Роман Барьянов. Во втором Volvox (1985) был напечатан литературный манифест Импреокларизма, добавлены стихи Бориса Кнопова (Ленинград), близкие по стилю, и другие материалы. Стихотворение "Тонг в тодах" (1986) было написано уже после выхода Volvox II. Прозаический текст СГ создавался до 1981, и, большая часть, в 1985-1988. СГ в прозе был опубликован в самиздате как отдельное произведение в 1988. В полном виде СГ публикуется впервые. В настоящем издании сохранены орфография и синтаксис предыдущих, за исключением явных опечаток.

Книга посвящается Виктору Сергеевичу Романову-Михайлову и художественному community в его квартире на ул. Рылеева, ... постоянными гостями были Дмитрий Плавинский, Анатолий Зверев, Наталья Шмелькова, Борис Бич, Александр Калугин, ... прошу извинения у тех, кого не назвал.

*Константин Купеев, 2013.
e-mail: kuppev.lit@gmail.com*

СХОЛИЯ I.

РАННЯЯ ПОВЕСТЬ И ДНЕВНИКИ ДЖАКОБА

ПОВЕСТЬ ДЖАКОБА

Где в причудливом изгибе - влево и вверх, влево и вверх, да, влево и вверх уходила дорога. Джакоб знал из книг, из снов, из услышанных им голосов, что дорога может петлять и изгибаться и те дороги, которые он видел, тоже скрещивались, вились и пересекались, уходили в тоннели, серпантином раскручивали пространство над водой, но эта дорога, этот её прихотливый извив, это было странно и непонятно. По приобретённой осторожности, Джакоб с усмешкой представил себя остановившимся и очарованно любующимся изгибом, но лишь на миг, на какое-то мгновение. И вдруг снова вперил взгляд в изгиб влево-вверх и уже не отрывал его. И это тоже было странно и непонятно, как щит у въезда в этот маленький городок, как люди на его пустынных улицах, как прихотливые шоколадные дома из тёмного кирпича во въюнах. Кое-где кирпич обломился, или специально отбили причудливые строители?, -но на изломах дома были в мелких пятнах и Джакоб вновь внезапно остановился и долго впитывал глазами удивительно яркий, как апельсин из-под фламастера - цвет изломов. Можно было открыть любую дверь, взять с первой же полки Гегеля или Кузанца, читать безо всяких усилий, сидя на остановке, мало что понимать и все же... и все же странно было и непонятно. Исподтишка ли, с утайкой, но вдруг на Джакоба на-

хлынуло, набежало, затерялось в иступленных криках людей, оставшихся в памяти, лиц, перекошенных от ненависти, галереи злодеев в мантиях и в самой распростейшей что ни есть одежде, сквозь все надрывные всплески и раздвоения - новое, неведомое доселе ощущение.

Но что это за ощущение Джакоб не знал и не мог выразить словами, ибо книги и голоса молчали про него. А здесь... И Джакоб боялся опустить глаза от этого влево-вверх изгиба, боялся, что это ощущение пройдёт, и он снова останется наедине со своими страхами и усталой памятью. И оттого-то и страшился этого нового чувства, что знал - оно пройдёт и будет ещё труднее и гаже, и это чувство действительно исчезло, не оставив и следа. И влево-вверх извив тоже оказался обычным поворотом дороги, идущей в гору, и идти в эту гору было трудно, потому что устали ноги, а впереди было ещё много пути. А главное - было удивительно скучно. Можно было думать о чем угодно. Недочитанном Хинтикке, Фуше, ордене Доминиканцев, своих неурядицах, извечной "политике", строить планы; но все это было так тоскливо, так придавлено знакомо - и все же Джакоб не мог удержаться, и по впитанной в себя привычке, уже не отличимой от него, погрузился, блуждая, в бессвязный поток мыслей.

Помнится, он подумал, и эта мысль была особенно бессвязной, что вот из-за этого поворота вдруг выйдет странствующий монах - скиталец, уже много лет странствует, что таких монахов осталось человек пять, от силы десять, и они все ходят и ходят по равнинным дорогам, лишь изредка случайно встречая

друг друга. И образуют они некое тайное братство, но так велика сила их духа, что встречаясь случайно, монахи эти перекинутся лишь одним, много двумя словами и идут дальше. И вот эта горсточка странников и есть некая "соль соли", и монах, который вот-вот выйдет из-за поворота, предстанет перед ним во всей своей силе - силе духа, свободы и немного достоинства. Но никто из-за поворота не вышел, и, спешу предупредить, мысль эта, внезапно появившись, так же и погасла, затерявшись в новых обрывках.

Джакоб с детства учился жить в изошрённом, как скрюченная рука в чешуе, пространстве неуловимых словосочетаний. А - возвращаясь - чувствовать себя статичным, замеревшим, слившимся с тёплым воздухом. А на скрещении, в сердцеvine:

нам снова сняться сны среди высоких трав...

С детства он нёс восприимчивость к голосам и образам. Поэтому и учителей было с избытком. И иногда радость непонятная проблескивала в них. К каждому слову его тянуло, но, много раз обжёгшись, Джакоб понял давно, что они просто смеялись над ним, или же, разбудив его восприятие, и сняв покров с беззащитности, сбрасывали пластиковые маски и вцеплялись в него блестящими когтями. Прошли годы, пока Джакоб научился не попадаться в хитроумно расставленные капканы. Но превратившись в старого и опытного лиса, бывало сам себе уже не верил. Порою казалось смутно, что в самой глубине его уже не было ускользающего и непойманного, а накрепко вросло

что-то томительное и застывшее. Впрочем иногда Джакобу, окружённому толпой учителей, удавалось обмануть бдительность невидимых, и у него возникало желание превратиться в молодого щенка, встать на лапы и, лая, залиться, захлёбываясь от радости, искрящимся смехом.

Невидимые, впрочем, были весьма разные. Сильно ли, слабо ли, но друг друга они не переносили. И когда одни внезапно кидались на Джакоба и пытались вцепиться в него, то он с лёгкостью уворачивался, упоённо вспоминая тех, других, что бы через миг ускользнуть и от них. В этом-то и заключалась игра.

Как-то он придумал себе наставника, который бы просто посоветовал ему заняться изучением красок. Зачастую Джакобу удавалось заставить себя поверить, что наставник этот, затерявшись где-то, принимает все время разные обличья и наблюдает за ним. За это он долго пытался зацепиться. Иногда это удавалось, но только когда он был один. Среди же себе подобных, особенно под рыбьими взорами, он, Джакоб, в самой глубине своей... так вот, на Джакоба находила такая пустота, что казалось, будто из Нечто кукушкой выстрелила огромная стальная рука, и безжалостно сдавила самую его сердцевину.

И не было спасения от пустоты. А было единственное, неподвластное стальной руке желание - превратиться незаметно, под пристальными взорами охранников, в какую-нибудь птицу и вспорхнуть, оставив внизу ненужную чешую.

А иногда и иначе. Для этого надо было одеть пластовую маску, зажмурить глаза и вдариться с изящ-

ным разлётом в толпу настоятелей, встать намертво, слившись и вцепиться когтями в холодную землю. Он много раз пытался так делать, но, думая перехитрить, не прирастал мгновенно. Не получалось! Изгонялся всегда, и лицо сжималось в заискивающую улыбку.

Будучи вылепленным неразрывно с гранями растерянности. Память уменьшалась медленно, и тем, что оставалось, бледнея, не остановить было исчезание. Куда? И за какой гранью все это проваливалось, и слышало ли оно? - было непостижимо абсолютно. Да и сам он куда-то улетучивался медленно, что то вспомнить пытаюсь, изумлённо уже глядя на лотосы, растворенные в индийской воде. И до дрожи ощущал из своих витиеватых странствий возвращаясь, страх и презрение к ликам со всех сторон обступаящим. Но мрачнее и безысходнее было то, что себя он видел отчасти уже растворенным в них, отчасти безобразно нарисованным их руками. И отслоиться было невозможно. И мыслилось с оглядкой, что почти все не могли освободиться никак, а сплющивались и растворялись друг в друге, страдая тем больше... Все ехали в абсурдно огромном трамвае, заполненным до предела, медленно, с бесконечными остановками, следующему по неизвестному маршруту, где трудно было дышать, и нельзя было развернуться, и не выбрать было ничего, кроме этого вечного стояния и взаимомешания.

...ритмичным смехом, до манящей к себе усталости, до опустошённого мига засыпания, до новых книжных полок, спиралью уходящих в бесконечность.

С самого мига пробуждения, самые первые мгновения были легки и свободны. Но не успевал мечтать, оглянувшись, что хорошо бы каждую секунду вот так просыпаться, как с лязгом и скрежетом падала вниз решётка в воротах замка, мгновенно менялись цвета, и привычная, ненавидящая пелена обступала мгновенно.

И вспомнилось разноцветье полётов - остатки видимого когда-то восстанавливались обрывком, смазывались, оставляя матовым оттенком пятно, а оттуда, издалека, с туманом, с мелодией плавного аккорда, в некогда видимые Джакобом ворота, легко отличимые в окружающей мути, вбежали лошади, а за ними, не торопясь, множество игрушек с оркестром - на шарнирах сцепленные полированные бруски - с самым настоящим императором в каске под бронзу. Процессия шла молча. Да и не шла уже, а как бы въезжала на невидимом постаменте. Приглядевшись, можно было увидеть ненатуральность костюмов - полуистлевшие нити, изъеденные молью и множеством других насекомых, - цвета лужаек на фраках различных оттенков.

— А... и ты здесь, милейший, — чуть кланяясь прозвучал совсем моложавый голос куклы под императора.

— Ваше Величество, соизволю доложить - время обеда, — неожиданно подбежал камер-юнкер под Пушкина, при этом уж очень шарнирно изгибаясь. Но что-то заклинило, или сам камер-юнкер "опрокинул по шкалику", но... движение прекратилось на самой нелепой позе, а голос так и продолжал неожиданно громко звучать в стиле "брейка".

– Время обеда. Время обеда. Время... Время...
Обеда... Обеда... Беда... Беда...

Нача-ось... - может действительно время беды?
Где мои лейб-гренадеры?! Отбой, милейший! (хлопок в ладоши).

– Господа! Д’гагуны пойдут пе’гвыми! Да
зд’гаствует г-госу-дагь импе’гатор! У’га! Не подка-
чайте б’гатсы!

Процессия быстро умчалась, оставив вместо себя какой-то костыльный запах и общее недоумение. Двор проследовал для почётного посещения тифозных барачков. Отвентилированный воздух сеял новые порции губительного кислорода на распадающиеся ткани - а это и был самый настоящий внутренний распад. И в последний раз, уязвлённый причудливостью собственных мыслей, Джакоб патологически почётно прохромал по ещё видимой в сумерках длинной галерее, повторяя и повторяя вслух и про себя:

–Я ему признался, не до конца конечно. Он знает, что я не атеист.

– Все явки провалены. Мне нужно убежище. Я убеждён, что оно у Вас есть. Так не будем терять время!!!

И опять неожиданно зазвучит, зазвучит... собирая... Но оборвётся сон и в чахоточном приступе проснётся Джакоб, встанет, подойдёт к разбитым светильникам и возьмёт пару аккордов на крошечном инструменте из маленьких фонариков. Разольются цвета и влетят гномы в камзолах. Проснутся страусы и совы. Пролетят чёрные лебеди тайных озёр - верные признаки катаклизмов. Взметнётся множество рук и под истерические взмахи дирижёрской палочки опус-

тятся рывком, и тот час откроется множество ртов с измученными гримасами. Но прибежит запыхавшийся виолончелист и сразу начнёт свою партию в этом престранном концерте, и улетят громовые звуки, отразившись от нарисованных ртов, подведённых глаз и напудренных париков, туда, где ещё пляшут менуэты механические куклы.

И поддастся тяжёлая дверь и скользнёт непрерывным потоком струящийся свет, истончаясь бликами в живописнейшие пейзажи. Там, за всем этим, вдруг проплывёт небрежная старуха, опять пробегут лошади, и среди кустарника и жары невиданные караваны верблюдов уйдут, скользя по набережным, мостовым и лесу. А силуэты и торжественные звуки старинных клавикордов, таких далёких во времени и близких в торжественных снах перевоплощением обязаны. И как некая сила противостоящая, отделённая от разума, снова заполнит незаметно слова. Бал для героев окопников, и матёрый преступник - все обретёт вдруг реальную силу, как после пробуждения, оглушённое утренним светом, возвращается сознание из глубин летаргического мрака. Разноцветная игра фигур, кошмарный узник, все колеблется вместе с воздухом, прихотливым образом концентрируясь в замкнутом пространстве каземата. На месте пыльного маскарада рельефно вырисовывается лист белой бумаги, неоконченные старые письма, фотография выпуска женской гимназии 1905 года. Но из тараканьих щелей и мышиных нор, всё набирая скорость, уже влетает ползучий, везде проникающий газ. Все опять зашевелилось, приобретая неясные очертания. Х-Л-О-П ! Бляцнула хлопушка...

*...таких далёких во времени и близких
в торжественных снах перевоплощением обязаны*

Спец. поездом доставлялись с самой линии фронта тифозные шинели, в некоторых местах пробитые метким снайпером. Места сквозных отверстий пометили георгиевскими ленточками - крест-накрест. Для натуральности из тюрем было доставлено несколько заключённых в арестантских робах. Им предназначалась роль неприятельского штаба. Вонючие и больные, зато искусно загримированные под генералов и фельдъегерей, они усердно ассистировали фокусникам-хирургам, пытавшимся удалить из праздничного торта зенитный снаряд.

И забыв понять окружающее пространство, он снова и снова пробегал по любимым "крамольным" сюжетам, ощущая зыбкость пока ещё доступных понятий. Потом сразу, как бы проснувшись, и оглядевшись вокруг, не мог понять, потому, что ничего не менялось. И ещё, вспоминая ненужный хлам, оставленный дедушкой (застрелен при попытке к бегству), он прошёл по улице, и... ничего не подозревая сделал шаг навстречу. Рука коснулась шершавой от времени и пуль стены и похолодела от неожиданного предчувствия. Мелькнёт брошенная телега, берег моря, разлетятся веером разбросанные осколки. И казалось, что это никогда не кончится, но все кончалось, и начиналось новое, необычное, искусно придуманное начало. И в длинной галерее с бронзовыми канцлерами и замаскированными слуховыми отверстиями-ходами, там - начало шествия неестественно старых вещей, где ядовитые корни грибов на гравюрах. Но вот задрожали и заметались в поисках дверей и отмычек старческие распухшие руки. Проплывут незаметно часть ма-

терику, зигзаг паралитика-велосипедиста, и неожиданно все займут свои, указанные кем-то места. Начнётся пантомима стеклянных лиц и разбросанных предметов с финальным смехом пузырячатых животных.

Но уже много раз Джакоб вызывал эти воспоминания, и теперь привычно подумал, что все это уже было, и надо, наконец, за что-то зацепиться. Именно эта фраза - унылая и бессмысленная, в который раз прозвучала. Но было в ней что-то до ужаса механическое, желающее насытиться, а все то, что он знал, то что он действительно знал, казалось бесконечно далёким, сцеплялось кружевами вольно и радостно, представлялось свободным и непонятным, как бессмысленная картина, которую он где-то видел, но звучало так томительно и вызывало столько воспоминаний, что становилось страшно. И вырваться желая, Джакоб стал размахивать руками, потом побежал, быстрее, быстрее, не разбирая почти дороги, стараясь не слышать предупреждающих голосов*. Какие-то образы выплыли вдруг из тёмного леса на края ночной дороги. Они метались и растворялись друг в друге; с застывшими, полными ужаса глазами, корчились от смеха, чертили в воздухе таинственные знаки, исчезали и вновь появлялись, но Джакоб все бежал и бежал, и голоса расслаивались и сливались с нарастающим шумом ветра в ветвях деревьев.

*Мы в мир входили в поздний час,
Когда "ни музыки, ни слова",
в запретной зоне...
Слыша тех, кто был рад сквозь слезы
Неумению превратиться в крокодилов.*

---

* он пытался взлететь как хищный журавль с подрезанными крыльями

И в себе самом снова не находил ничего, кроме загромождённой разным хламом скучной комнаты, увешанной фотографиями опустошённых лиц, запylённого окна, тяжёлой одури от бесконечных сигарет, вечных страхов и домысливаний, неудовлетворённых желаний и несбывшихся надежд. Да шума нечастого машин на дороге: все громче и громче звук, а потом, как бы зеркально до тишины слабеет.

В нечастые минуты просветления Джакоб видел отчётливо, как даже привычные книги заговорщически подмигивали друг другу, сцепившись обложками, и бросали из-за переплётов взгляды равнодушные и удивлённые. И откуда они взялись - появились? Или не так было?

Но чего-то главного, чего-то своего, не чужого не находил там Джакоб. И оторвавшись от ветвящихся строк, пробегающих под ним, чувствовал себя часто оборванным и опустошённым. И чем больше вникал и верить пытался, тем более обворованным. Как, бывало, окончит странствующий проповедник очередную экзальтированную тираду, смахнёт капли пота со лба, глянет на миг усталым взглядом и пройдёт по рядам с протянутой шляпой: "Господа, прошу Вас, поторопитесь, прошу Вас, поторопитесь, прошу Вас...". Так и книги эти, как и все почти, что он слышал, и чему верить пытался, опутывали и растаскивали по частям самую его сердцевину, еле тлевшую ещё в глубине, похищали какую-то возможность выбора, остатки чего-то сильного, и, оскалясь, обманом навязывали бессмысленные колеи

по болотистым равнинам. И в каждом миге бега по ним, чувствуя как слабеет и опустошается, затылком загнанного зайца Джакоб явственно ощущал чьё-то невидимое присутствие. И когда, казалось, убежал достаточно, и измученно опускался на задние лапы, то оно неизменно оказывалось за спиной, уходить не желая. И все абсурдные неизбежности оставались на месте, проступали ещё явственнее. А когда отмеченный и обманутый он пытался вздохнуть глубоко и зажмурить глаза по чьему-то рецепту, то оно ещё сильнее сдавливало его тугими кольцами, про-света не оставляя... и не в том затаилось, что уже не было силы, самую суть свою, себя самого, вверить инородному без оглядки и успокоить его жалких посланников. И как-то под сурдинку ощущать, что не уклониться от предreshённости, потому что чуждое нечто было единым и уже схватившее и слившееся, тянулось к будто бы снаружи-образному. А потому снова и снова придётся мучительно менять искусственные оперения. Нет, не в том только. Пока ещё радующим Джакоба было обилие желающих выкрасть последние остатки его свободы. Он даже отдыхал, забавляясь со стороны, их столкновением и бесконечным разнообразием. Но не в состоянии был понять пока, что это один и тот же зловещий рыболов, играя, забрасывал тысячи сетей...

А убогие эти, став предателями примыкали к НЕЧТО. И чем больше там исчезает, тем багровее оно становится, тем больше дрожь ненависти в бесчисленных щупальцах, тянущихся оттуда за новыми жертвами.

Тяжёлая и неуклюжая металлическая дверь вдруг распахнулась, так что Джакоб еле успел отскочить. За дверью зияла темнота. "Наш гигантский подземный кинотеатр" - слабым светом вспыхнула на двери надпись. Часть букв не горела, но смысл Джакоб понял мгновенно. Огромный зал был заполнен до предела. Пригнувшись, и вцепившись друг другу за руки, сидели зрители. Все до единого были в пребезобразных - гладких - кожаных шапках-ушанках, завязанных у подбородков. "ПОДЗЕМНОЕ ОБОЗРЕНИЕ! ПОЛЯРНЫЙ ВЫПУСК 114!" - заскрежетал механический голос. БЫТЬ! - плетью стегануло с экрана. "КАКИМ БЫТЬ?" - ещё успел подумать Джакоб, но вдруг привычно ощутил знакомое чувство со всех сторон сжатия. "А теперь" - голос невидимого стал убаюкивающим - "10 секунд веселья и счастья!" Загрохотала наглая, навязчиво-пустая, замедленная музыка. На экране возникла фотография взрослого и сильного человека с так не шедшей ему блаженной улыбкой идиота. Весь зал рефлекторно выдохнул: "Ха-Ха-Ха!" Джакоб не успел засмеяться и вдруг ощутил, что зал заряжен злобой до предела. Вдруг где-то близко зашептали: "Мы должны слушать нашу подземную музыку. А ты нет!?" - и хитрый Джакоб резко взвился с места, и, благо сидел с краю, в три скачка вырвался из зала. Вот и безобразная дверь позади, вот ещё прыжок вперёд и вверх, уже просто так, от нервно дрожащей радости освобождения...

СТИХОТВОРЕНИЕ

Метро (красная ветка)

*Под европейской новогодней картинкой
С цветными кругами
Расположились респектабельные двойники,
Нанизанные на серые линии.*

.....

И это именно красная ветка, и это очень существенно юго-запад, потому, что очень много зависит от цвета, и не только в плане с-трудом-само-гипнотизируя-пытаясь воспоминания, а в смысле очевидного секретного планирования ЗАСЕЛЕНИЯ этого города. С автобуса 34 пересест на трол. 41, потом на "Б-10", не пользуясь трамваем, и оттуда уже на 12-ом. Сойти в районе "Речного" и на автобусе, (у остановки расписание), доехать до кольцевой и одну остановку за, можно две, там, отойдя чуть подальше от застеклённых переходов, снять машину в сторону Питера. ВОДИТЕЛЮ сказать - нам (мне) чем дальше - тем лучше, или - да хотя бы до Калинина. К ночи Вы будете уже у ст. м. "Звёздная" в Ленинграде, если, конечно, ещё в Москве, добираясь до стоп-старта, Вы воспользуетесь, если добираться будете на метро... В дальнейшем, мы, однако, все реже и реже будем давать комментарии к первоначальной рукописи Джакоба.

.....

Дальний выход из коридора (мелькнуло, - раскрашенный) был отчётливо виден, и, напрягая последние силы, он бросился вперёд, дробно застучав пальцами по каменному полу. Но странное дело - пролом в стене оставался на месте, не приближаясь ничуть... Двери же с каменными табличками проносились мимо...

"ВИСЛОУХИЕ ПА-
РАДИГМАЛИСТЫ.
ЗАХОДИ!"

(хамское прилагательное)

"ПРОФЕССИЯ-
СКОРЬБЬ О ЧЕЛО-
ВЕЧЕСТВЕ. ГУМА-
НИЗМ ПО ЗАКАЗУ.
ПЛАТЯТ НЕДУРНО.
ЗАХОДИ!"

(опять элемент хамства – в неправильно обобщающей манере первого предложения:

то ли речь о профессио-
нализме, то ли о сути дея-
тельности)

ПУТЬ К БОГУ, УС-
КОРЕННЫЕ КУРСЫ.
ПОПАДАНИЕ В ДЕ-
СЯТКУ ГАРАНТИРУ-
ЕТСЯ. ОБУЧЕНИЕ
БЕСПЛАТНОЕ. ЗА-
ХОДИ!

здесь всё представлено абсолютно верно!, с точностью до слов!! Но ведь в "рекламном" характере всех этих объявлений присутствует явный элемент хамства – ср. с вещами типа "в прессе дан достаточно подробный отчёт о суде" или "туда-то и туда пришли представители прессы" (да ты хоть взгляни на этих представителей).

"МЫ - НЕЗАМЕНИ-
МЫЕ ТЕХНОКРАТЫ
В НЕПРОБИВАЕ-
МЫХ УКРЫТИЯХ
ИЗ ЖЕЛЕЗНЫХ
ЯЩИКОВ! НУЖНЫ
ВСЕМ! НУЖНЫ ПРИ
ЛЮБОЙ СИСТЕМЕ!
ЗАХОДИ СКОРЕЕ!"

("технократы" е...анные!)

"КЛУБ ВСЕОБЩЕГО
СВОЛОЧИЗМА! ЗА-
ХОДИ, НЕ ПОЖАЛЕ-
ЕШЬ!"

"ЗДЕСЬ УГРЮМЫЙ
СТРАДАЛЕЦ-ГИ-
ПЕРБОРЕЕЦ. ВХОД
СТРОГО ВОСПРЕ-
ЩЕН."

(прилагательное "угрю-
мый" вызывает раздраже-
ние. Почему? А какие при-
лагательные раздражения
не вызывают? Ответ: лишь
употребляемые редко, не-
обычно и т.д.)

"ОКОЛОВЕДЫ-ВИ-
ВИСЕКТОРЫ!
НАПИСАНИЕ КНИГ
О КНИГАХ!
ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ
ИЗБРАННЫХ!"

"ЭМИГРАНТЫ
ДУХА. ЗАХОДИ!"

(Малопонятно. Вообще
слово "эмиграция" ассо-
циируется с "реставрация".
Мы, однако, почти прекр-
ащаем комментарии).

Возле следующей двери Джакобу подставили подножку, но упасть дали. Что-то схватило его за руки, резко притянуло к себе и тут же исчезло. (Быть может - "тут же пропало"?) "Клуб здоровых тотальных идей" - еле успел прочесть Джакоб, как очутился в пустой комнате, посередине которой яростно жестикулировал оратор. (Дальше идёт малоприятный бред какого-то ублюдка, который мы опускаем.)

Инстинкт ребёнка заставлял Джакоба бесчисленное число раз мечтать построить для себя, обставившись непроницаемыми гранями, некую лестницу с перилами, взбежав по которой, он смог бы взглянуть на себя, прежнего, оставшегося там, внизу, вздохнуть облегчённо и улыбнуться иронично и всепонимающее. Пока гибкое и неуловимое ещё оставалось внутри. Но лишь грезил о такой лестнице, бесконечно меняя её очертания, не оставляя следов вовне... (Слово "грезил", дав круг, избавилось, кажется, от пародийного смысла).

И благословлял тот миг, когда глаголы повисают как измученные плети. И преодолевая вдруг страх, чувствуешь себя пылинкой, парящей над бесконечным вирием и вглубь провалом, подхваченный непостижимой силой. А из-за непонятности этой силы, провоцирующей тебя в гигантском аттракционе над бездною, к которой были неприменимы углы и расстояния, в которой пропадали мгновенно все мыслимые глубины, и, вдруг, внезапно, ты чувствуешь себя растворённым там, себя, парящим над собой, пылинкой, так вот, из-за непонятности этой силы возникал какой-то сладостный страх...

Раненым тигром, притаившись в зарослях, Джакоб разглядывал знакомые монументы, опиравшиеся друг о друга, уже застывшие и непоколебимые, уже уверенно принявшие неземное. Но каждый из них, несмотря на отрешённый и величественный вид, был в чем-то комичен, в чем-то жестоко и без усилий поколеблен снаружи другим монументом. И абсолютности не было. Но ведь каждый из них, казалось, самой сутью внутреннего стремления, предполагал уже - постижение этой абсолютности. И Джакоб легко убеждал себя в нелепости служить подставкой для НОМО (=НОВых МОнументов).

А хоть и менялся постоянно внутри, перебирал и оттачивал, "падал и вновь поднимался", и нервно взлетал вперёд и вверх, но, будучи очерчен снаружи, сохранял за собой рефлекс страха, доставшегося по наследству. Ибо жил под неусыпным оком грозных и невидимых Набобов.

И когда мыслил о том, как тянут его на съедение умные дикари, пряча ироничные улыбки, а он пытается убедить их в чем-то, прийти с ними к какому-то взаимопроникновению до умиления, то щемящая радость наступала и на секунду подхватывала, притупляя бдительность.

Заметил хитроумный Джакоб, что когда отходил, отрешённо, и, извне притягиваясь, заново входил в себя, то легче не становилось (а элемент рассеяния?), но, но, но если брал белый лист и выплёскивался бесвязно, то Нечто сморщивалось и распадалось, обращалось на миг в нейтральные знаки, обнаруживало какую-то достоверную нереальность. А Джакоб, глядя в упор, испарял, отталкивался и оказывался на миг извечно свободным. И эта тайна, эта тайна...

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ДЖАКОБА

Да и есть ли оно во мне? Сильное и новое. Как просыпающийся молодой лев смотрит удивлённо вокруг себя, медленно поднимается на лапы и страшный звериный рык содрогает все кругом. Или же все, что было ушло безвозвратно? Или новая заря наступает? Но сколько раз она вот так наступала! Нет, не так. Я сделаю удивлённое лицо, нет, - я слегка улыбнусь, а он сделает удивлённое лицо. Я же скажу: "Да ведь я все понимаю, а, как вы думаете?" и в глазах у него что-то мелькнёт, и мы оба почувствуем, что понимаем друг друга. Нет, не так! Почему же, почему ничего не выходит!?! Из глубины слышу:

"Восстань! Восстань! Восстань!" Из самой глубины. Будто бьёт какой-то бешеный колокол, и рушатся с грохотом неистовые глыбы, отламываются пласты! Снаружи ирреальный муравей, а истинно и доподлинно то, что внутри - Хищник с жадно блестящими глазами и невидимая пена у рта! И вперёд! Воля через страх!, воля через страдание!, воля всесметающая и несокрушимая - смело ведущая через борьбу!... О!, не схожу ли я с ума? Но ведь есть, есть наверняка во мне что-то светлое. Или лишь было и затерялось в веренице?..

Мыслишь о чем-то, как вдруг кто-то подшепнёт тебе: "я мыслю". И, в тот же миг, осознавая вновь, чувствуешь вдруг, что думаешь уже о мыслях, сами которые о мыслях. И поскакал вверх. А

уклониться нельзя, потому, что сделав шаг в сторону - уже подпрыгнул ступеньку выше. И не выпускает! И, помня испуги прошлые, вдруг чувствуешь подспудно, что вот-вот сам на себя сверху прыгнешь. И тем самым прыгнул откуда-то. И тут накатит! И ещё, и ещё, и ещё! И нарастает все сильнее сжатие, страшный шум, сумбур, и вертится колесо, и ты разрываешься и плависься, и вот уже, притаившись тихо, внутри стремительно растущего снежного кома, внутри страшного грохота, несёшься с горы в неизвестность. А потом, если сработает неведомый предохранитель, то отпустит на миг, а как вздохнёшь облегчённо, то снова накатывает. И как невозможно отойти без оглядки, то и вырваться невозможно.

Неужели схожу с ума? Я где-то слышал: сойти с ума очень просто, - надо только чуть-чуть захотеть этого. Так долой же страх перед неведомым! Терять нечего, а впереди уже виднеется томительно зовущее неизвестное! смело же вверх, вверх по кошмарной лестнице! Да здравствует сумасшествие!!

И опять вижу - до горизонта кругом все заполнено ненавидящими, с каплями пота на пылающих ЖАРОМ красных лицах, и хором все громко, с придыханием, зевают. И вдруг ОБНАРУЖИЛИ... И миллионы рук тянутся ко мне. У тех, кто рядом руки совсем, совсем обычные, но чем дальше, тем длиннее дотягиваются. А я знаю, что должен кричать во всю глотку, во имя себя и ещё ЧЕГО-ТО, но лишь жалкий тоскливый вой выходит из горла. А

они все, все дотягиваются до меня... Чёрт-поberi!,
- бред какой-то!..

И неужели совершенно зря все это? И ВТУ-
НЕ пропадает и забывается какая-то постоянная
моментальная абсолютность этого страдания? И
сплюсненность, бывшая в каждый предыдущий миг,
исчезает безнаградно?

Ох, с самого детства обступают! Помыслишь
о чем-то и вдруг чувствуешь снова... Оно, оно! И
сдавливает, и сжимает... И пока не вросло оконча-
тельно - да здравствует сумасшествие!

И все, что ни есть, - в воображении, все иссох-
шие от времени мечты. Лужайка зелёная перед замком,
лучницы в малиновых куртках, никому не известный
необитаемый островок, горячий, летний морской ве-
тер... И какие-то бессмысленные чужие размышления.
И идут косяком чужие поучения - не отвяжешься. "Все
это испытание..." Все же странное какое-то. Не на со-
рвать-не сорвать, а на оторопелость привычную, когда
исчезает, пока добежать успеешь...

А дальше что?

Все больше и больше сгущается вереница не-
приятных неожиданностей. А какими они будут? -
неизвестно. На то они и неожиданности, что таятся,
спрятавшись, и вдруг выскочат из-за дерева, так, что
вздрагиваешь от испуга. И ведь поджидают где-то!
Но заранее никак не обнаружатся, лишь тепереш-
ними страхами предупреждают. А куда спрятаться
от будущих испугов? - Некуда! ЧЕМ защититься от
страха? - НЕЧЕМ!

Довольно! Хватит! Услужливые слова берутся из пыли, которой покрыт, и цепляешься за них. Ну, так что же? Что же?! - А ничего! Ну и что же? Что же? - А ничего! Ну, так что же? Что же!? - А ничего! Повторяешь эту абракадабру - иволга не иволга, сон не сон, - и тоска куда-то сбрасывается. А если не повторять, то так гадко и обидно, что... ПРЕДПОЧЕСТЬ не заметить? Но нет!. Если уж уйдёт куда-то этот накал!, этот всплеск!, этот бред!, если на миг легче станет, если смиришься ты, если исчезнет куда-то эта тоска, забудешь, изменишься... И вдруг - КРРАХ! - БЛАГОСЛОВЕННАЯ (нам кажется, что с выделением этого слова, Дж. немного перебрал) встряска! И ещё гаже станет, ещё тяготнее от себя, от того, что ты смирился. И эта обида за себя, эта самостегающая (здесь, по-видимому, ошибка письма, - по смыслу, наверное, должно быть "самосжигающая") тоска сожмёт тебя как в клещах. Ну, так что же? Что же?! - А ничего! Вспоминаю...

Шёл я тогда домой, отдышавшись на милом спектакле, излучая во все стороны восторги. Спектакль этот назывался "Поэт и тиран". Показывали там, как тиран этот, запёршись один, с наслаждением, как многоопытный ценитель вин, маленькими глотками поглощал стихи преследуемого им поэта. И вся театральная публика, наполовину состоявшая из таких же тиранов, душителёв и притеснителёв, захватившая места на этот смелый спектакль, иступлённо била в ладоши, стучала ногами и визжала от настоящего восторга.

А вместо одного моего друга на спектакль пришла подружка другого, ибо драгоценный билет не должен был пропасть. Весь спектакль мы молчали, лишь раз, когда уж очень ловко подцепили про излишнюю озабоченность "судьбами Европы" (какая гадость!), я не удержался от двух-трёх тактов смеха. Вот собственно и все.

Есть, однако, и продолжение. По тогдашней моей робости и простодушию, продолжения никакого быть не могло, и я, как-то быстро распрощавшись с Miss в метро, возвращался домой один, будучи от спектакля в восторге. И когда был уже шагах в ста от дома, внезапно озарило экстазом. Словами совершенно не могу выразить то, что ощутил я тогда, но я вдруг сошёл с тротуара и прямо на улице стал мочиться. Было какое-то упоение абсурдностью до просветления и тем ещё, что абсурдность эту никто не видел и оценить не мог. Словно остался один на один с чем-то великим и получал от него посвящение.

И вспоминаю, как потом болотные твари со всех сторон обступили и вторгались в меня, спокойно прищурившись, стойкого инородца признав. А за душой у меня совершенно ничего не оказалось. И все, что раньше обманом вросло, опутало накрепко и претворилось надёжным, теперь, когда я пытался опереться на него, превращалось в сморщенное и лукавое, трусливо уползающее убожество. А они чуяли это и, будучи уверенными в скорой победе (а если не победить, то хоть паки нагадить), ещё

плотнее обступали. Так вот, тогда-то я чудом что-то вспомнил, и с неведомым чувством стал твердить про себя как заклинание:

Я свободен, свободен, свободен, свободен!

Я свободен, свободен, свободен, свободен!

Я свободен, свободен, свободен, свободен!

Я свободен, свободен, свободен, свободен!

И что же - легче стало и твари откатились...

.....

Но отрываюсь ли я от преследователей?

Сплошное самоосвобождение! Вот и все! На в харю! На! На! Порча бумаги, порча бумаги! Долой смысл! На! в Дыню! Долой смысл или его отрицание! Одно и то же! Я скачу вверх по пустой загаженной лестнице... Вдаль уходит черед, когда я скрылся в мезозой, позабыв про все свои дела!.. Если вы гр'аф находите это бессмысленным, то я вам, дорогой мой скажу, что решительно не вижу где смысла больше, чем в пустых и холодных линиях дождя в огромном чужом городе. А многодумные и многочисленные питекантропы повержены - ГИП! ГИП! УРА! УРА! УРА!

раз!

два...

Черт побери! Пишешь это - так действительно блаженствуешь, а прочтёшь сразу же - и такая ерунда получается. Устал, сильно устал...

СХОЛИЯ II. РАЗГОВОРЫ ДЖАКОБА И КАРЛА

Умышленно каверкая слова, Джакоб странно вздрагивал, при каждом скрипе двери, и, продолжая снова, с яростью настаивать, не останавливаясь на вздохе, как бы захлёбываясь от приступов новых, только сейчас не забытых, но уже под пеленой, как бы в тумане; и оборвавшись, рухнул в следующий провал, пытаясь выбраться из слов и событий.

На срезе, остановив движение, ржа быстро заполняла доступные места, и Джакоб неизменно водил пальцем по полированной глади стола, определяя на ощупь ещё оставшиеся в памяти знакомые, но уже видоизменённые уступы. Продолжая дальше, цепляясь за отравленный край стекла, вспоминая по-детски корявый почерк письма дедушки (бывшего толстовца), Джакоб слышал граммофонный скрип великого тенора, и неумелый разговор дилетантов переходил в трубное звучание разбросанных предметов. Подумав на секунду, предмет - нота, появилась музыка вещей, так же быстро уходящая, как пьяная нить разговора.

Образовавшиеся раковины пустот постепенно усыхали, но рождались новые, на вид не отличимые. Далее значилось - не ешьте удонов и прочее, прочее, прочее...

В разговоре с Джакобом Карл прибегал к известному способу удушения разговора плавностью, и неожиданным испугом с гримасой старого могильщика. Меняя позы, то и дело смахивая несуществующих насекомых-богомолов, Карл бродил по коридорам, где с низин, с туманом и газовым фонарём грозный шкипер у моря; битва парусных судов и галер со сломанными вёслами, по воле случая, но ещё не утонувшие, да брусчатый извив Кремлёвской улицы.

Разговоры Джакоба и Карла

Незаметно для себя Карл подчёркивал что-то большим красным карандашом великаном в маленькой записной книжечке и продолжал далее со всей строгостью предсказанного закона. На ярком пятне заката профиль Карла принимал странно-удушливое выражение, но вскоре также тух, переходя в следующий день.

Жизнь Джакоба в то время напоминала что-то героическое. Начиная с самого начала, с первой телевизионной кнопки и последнего зуммера окончания. Улёт в тот, может быть желанный, но такой далёкий и неизвестный строй ночных патефонов.

И страха не было, да и откуда, если и Карла посещало что-то похожее. И тогда на два голоса проносился по комнатам гортанный клёкот языческой речи. Не успев утонуть ещё на очарованных островах, а уже пролегла дорожка микрофильма в знакомых белых манжетах.

Незаметно прихрамывая на знакомой глади паркета, оставляя укусный след, шли они далее, замечая изредка почти тёмный тротуар дозволенной улицы.

И снова, подверженные всяким нелепым случаям, Джакоб и Карл придирчиво осматривались вокруг нелепых, крикливых существ, уже не приносивших беспокойства, как некогда запах лосьонов, взяв в руки окаменелость (труп трилобита), мягко уступив нестройному хору обед среди устриц и вина. Из-иск рой нестройных лебедей, поплавок приманки, такой ломкий на вкус.

Поиграем в кегли?.. - задумчиво предложил однажды Джакоб. Шарнирно изгибаясь (драп костюмов умелого закройщика) Карл причудливо посмотрел на Джакоба - Соревнование в ловкости?.. Извольте!

Не хватает СЮ - покачал головой Карл.

Сюзанна
Юлиус
Жень-шень
Елексир
Тайнопись древних христиан
Аттила – Джакоб покачулся и стряхнул
пепел в стакан Карла.

- Извините - улыбнулся Джакоб.
- Ничего страшного - тоже улыбнулся Карл.
- Я так и думал - с удовольствием затянулся сигаретой Джакоб.

Стреловидные шпили костёлов. Камфорный след кухонных камфорок, закрытые окна, бледный самоубийца с атласом Европейских бабочек, последняя страница, последний свет горящего газа-убийцы...

Марш-металл блестящих инструментов
Оранжевый вкус
Пузырчатый
Томаринд
Моллюски
Муслиновые
Опыт зла
Конгресс паломников
Неминуемые жертвы.

Скомкав оставшееся за фосфорическим светом (ноль часов - мембранный голос отпрепарированной пластиковой трубки) стать беззвучной жертвой кровососущих насекомых, во сне тянущих свои хоботы к влаге тёплого тела, наполняя плоть негодующим кошмарным сновидением - прыжок вниз без спасительного укола.

И нет того блаженного Василия - фундамент пал с трудом невыносимый.

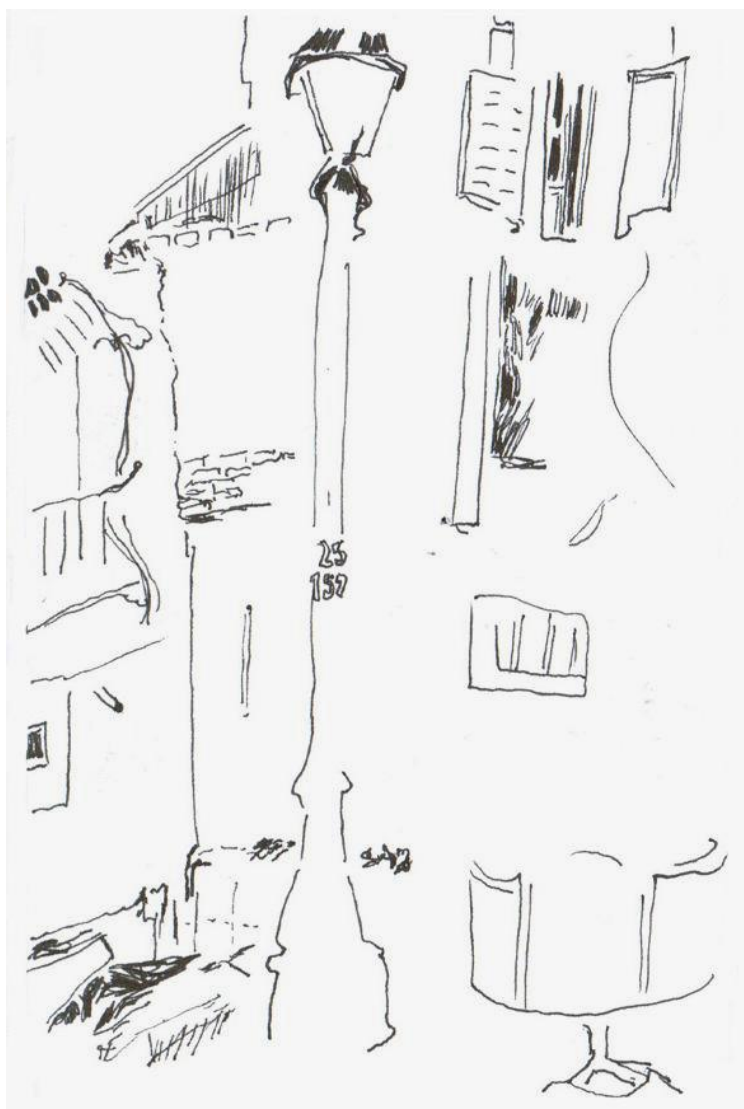
Пульс-сигнал утреннего кошмара. И только потом, из бело-бумажной глади, проносясь на последнем, ночном, под прожектором трамвае - одинокий пассажир, и имя ему Джакоб.

Только в трамвайном освещении, наложив своё отражение в стекле на причудливые балки фонтанов с балзамом и механическими статуями вне света фонарей централа, проносился картинно курорт обезглавленных императоров (чудо из глины и шляп из фарфора). Лязг очередной остановки, и с приглушённым звуком питьевых автоматов (сироп прохладной ночи) в вагон торжественно вошёл тростевидный Карл. И уже два персонажа смотрят из аквариума питоньим взглядом на проносившиеся в ночи скамейки под платаном до следующей неизвестной остановки.

Не было прозрачности в словах. Как кокон шелкопряда за корневидной гравюрой уязвимая масса.

Параллельно трамваю двигалась платформа с джазом. Приглядевшись, все увидели музыкантов - на палках развешенные фраки и невидимая связь - ряд побитых инструментов. Похоже, шла репетиция жестов, а музыка была лишь предлогом к порывному захлёбу смеха самих же джазистов. Но скорость трамвая была слишком мала и в максимальной близости от платформы, когда все - и Джакоб и Карл и ещё, то появляющиеся, то исчезающие маски - готовы были принять участие, джаз начал набирать скорость и проваливаться. И в том алгоритме падения все ощутили неожиданный ритм страха. И уже из маленькой точки, из глубины - только пронзительный звук одинокой трубы и в конце неупад один такт барабана.

Простейший орган зрения присущ дождевому червю.

Камфорный след кухонных камфорок...

Ампутированные радости на луковице вкуса, и коррозия времени в искусственной деформации голо-са (одноклеточные делятся, не оставляя трупа). Стройные ряды скульптур водолазов, а за грязной обочиной - нарисованные лица (перегном сакральных пустынь), и по-новому оранжерейный привкус присадки. А неведомая горловина уже вкручивала новый смерч. И канул прочь жестокий триумфатор. Согбен, угрюм и безучастен. Паутина-лицо и два насекомых глаза, пойманные хищным мозговым веществом, а из-за бронированной пластины лба - новые импульсы марионеточных движений. Спазм коронация магистров на празднике бывших ночных экспрессов.

А вобрав блевать до одури, до крови, до радостного облегчения, полностью опорожнив полость уже накопленным за день, продавленным в поры пользительным ядом удушья. И уже не выведешь, как пятно на рубашке, не выскребешь, но выблевать можно, и только выблевать... И размягчённый, потный от боли, с ужасом поглощать новые порции инородной воли, такой преступной и нелепой, что потом все начать сначала, и блевать до одури, до крови, до радостного облегчения.

Но не было стройности, а те слабые обрывки оплавленной мысли, такой несформированной, что смыкаясь на повторениях, из позволенного иногда хаоса многословья - многоцветье повторенных слов. А в выкрике букв - всеобщее РА - радость и незащищённость.

Мой прозостих - порождение светлых потоков, когда с температурой, липкий от пота, в многоголосье

органов не за что уцепиться, зафиксировать те созвучья, и бумага беспомощна вобрать все... и скорость нарастает... и уже не остановиться... не осознать... не запомнить... И уже не разум, а агония правит телом, тем чрезмерным теплом исковерканного рассудка.

Но тот долгожданный переброс в иное также быстро исчезает с белой шайбой таблетки.

Карл осмотрелся. И трамваи, и придуманный город с площадями, мостами, людьми постепенно исчезали, умело прибранные кем-то. И в лихорадочном хаосе движений, в беспощадном поиске чего-то пишущего, скребущего, царапающего все равно чего, лишь бы оставить след на бумаге... Но поздно. Стол, кровать, книги, стулья уже заполнили комнату, а среди них беспомощный Я.

Со мной было, я знаю было! Я видел! Я слышал! Я осязал! Мне было все доступно! Все! Но кто поверит? Кто?

Каким чудовищным распадом покрылось сразу вся земля.

Иногда в определённые, но с таким трудом предсказанные дни (чаще в понедельник, утром) реальность забирала те ростки ещё не окрепшей мысли. И в оставшемся отсбое - тиснение букв различных стилей и алфавитов, может быть забытые каким-то потерянными во времени народом.

И рука беспомощно водит по пергаменту, цепляясь за микровыступы целлюлоида (китайские болванчики в такт движениям дёргающихся паль-

цев)... Но выступ не найден, и карябает перо уже по бумаге, оставляя тайнопись, понятную тем, кто уже не может, вернее ещё, потому и приходится вечно ждать очередного взлёта.

СОН ДЖАКОБА

Но невидимый кто-то, манипулируя маленькими кнопками, опутывал прочной сетью капрона, натягивая зловеще-длинную лесу, пытаюсь вытащить из привычных состояний в смрад и гадость... Их лица таяли и появлялись снова с тусклым, таким искусственным смехом: "Я - великий профессор-дерьмолог!! Помни... Сплющу стальным прессом - не вырваться!" - неслась в голове какая-то гадость звуковых галлюцинаций. Мне больно, больно и страшно. Мне страшно и больно - ещё один поворот зубчатого колеса в костедробильном аппарате - мне больно, я иссяк, я иссякаю, я устал, я смертельно устал, но уже спутан намертво и не изогнуться, не выпрямиться, не крикнуть (и ещё много много таких же НЕ...). Кляп вставлен надёжно, а некогда вспоминая разбег и быстроходные педали скоростного велосипеда - ветер в спицах колёс и обтекаемый выгиб руля, но не сейчас. Сегодня я почти уничтожен людьми в масках. Маски скрывают страшные ожоги и следы пластических операций - бесконечные шрамы и отсутствие частей лица (губ, ртов, глаз) - то искусно созданная хирургом толпа прокажённых и злобных людей. Эта толпа расправлялась со мной, заставляя принять их закон. У них никогда не было столь

изящного велосипеда и быстрого разгона и они с жаром и любовью растапливали специальные печи для своего культового обряда - центральным пунктом был я, - опутанный прочным капроном, с полиэтиленовым новым кляпом во рту, и огонь близок - слышу отчётливо вой огня и дым в трубах, да жар от обугленных в пепел костей...

Человек в чёрном и длинном макентоше, в белой рубашке с бабочкой, с маленькими усиками и в шляпе подошёл ко мне. В руках у него саквояж: "Я из бывших... Я тоже из бывших - бывших фармацевтов. Я принёс капли от насморка. Ведь у Вас насморк и жар... (и изогнувшись близко к моему уху тихо произнёс) - здесь ЯД, (и специально громко, для окружающих) - ЭТО СРЕДСТВО ПОМОЖЕТ ВАМ приобрести в нашем центральном универмаге все необходимое для вас на сегодня".

Все закружилось, попадало... Старая карусель с лошастью в яблоках и пустой, огненный сад. Ведь тогда падали листья. Они падали и кружились в грязевом потоке... В маленькой кроватке пискнул и затих малыш, - то был я, но много лет назад. Сейчас был тоже я, но больной и слабый. Слабость, приобретённая от изматывающе длинных дорог. Я устал. Я устаю. Я смертельно устаю.

*Старая карусель с лошадыю в яблоках и пустой,
огненный сад*

И он шагнул в пространство без цвета.

Разбега не хватало, и он, так и не взлетев падал вниз, стремясь к какому-то центру, но внеземному, к по странной подземной орбите возвращаясь к начальной точке своего пути... Это событие исчерпало само себя и скончалось также мгновенно, как и родилось. Событие думало, что оно управляет людьми, считало себя весомым и влиятельным, но предрассудки в финале своём, не отличимые от реальности рассыпались в труху, оставляя Джакобу смертельную усталость и чуткий СОН, вернее не сон, а СОН СНОВ.

Отчасти ему казалось, что все, надёжно спрятанное в памяти, рассматривается кем-то, рождая при этом образы, неотличимые от реальных, но хрупкие и ломкие. Сокрушающих было множество, с желанием превратить все в видимое для них. Но не получалось что-то, и оставались после их визитов странные предметы в виде стоматологических щипцов, и уже от этих предметов появлялись образы образов, не отличимые от своих владельцев, потому ужасные.

Найти нужный ход не удавалось.

Событие исчерпало само себя и скончалось также мгновенно, как и родилось. Ведь оно думало, что манипулирует, и считало себя весомым и влиятельным. Но предрассудок в финале своём, уже не отличимый от реальности рассыпался в труху, оставив в руках Джакоба смертельную усталость и чуткий сон, вернее сон снов. Отчасти ему казалось, что все погруженное в память воспринимается кем-то, рождая при этом образы, не отличимые от реальных, а потому очень хрупких и ломких. Сокрушающих было множество, с желанием

превратить все в понятное, как странно-вечный попутчик из бывших фармацевтов.

Но те сны были чужими.

Токсины зла и страха вырабатывались железами окружающих Джакоба персонажей метро. Лязгнули механической пневматикой двери и огромный 20-вагонный состав дрогнул в путь по очень длинному подземному тоннелю. Сложные системы карт и астробиллы были у каждого в руках. Они с трудом ориентировались в запутанной сети подземных дорог и скоростных мЕгЕстралей, спиралью уходили вниз, не покидая при этом пространства. - Это что-то из Жюль Верна - мелькнуло у Джакоба - странно, и не только это - опять успел подумать Джакоб. Двойники лишь стояли зеркально, как у парадного подъезда почётный караул с надписью "НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ", но это была подозрительная зеркальность. Все были одинаково-уродливо-серы. И открылись охраняемые двери, впуская очень странно одетого человека. - Рокеры... битломаны... ... - мелькнуло в памяти - нет, не похоже.

Это гораздо круче. Это оттуда... и чьи-то руки, скользнув холодом по лицу пережали сонную артерию. Это был уже не сон.

Брат! Меня зовут Бонифатий. Ты узнаешь меня?

Джакоб увидел лицо. Оно как бы зеркально повторяло его собственное, виденное на старых фотографиях. Это было лицо Джакоба, но только странные одежды... и... не только это разделяло их, но что-то ещё, не созвучное с видимыми персонажами - далё-

кое, гневное и страдающее. Общей была лишь геометрия лиц.

Посмотри вверх - сказал полудвойник - и ты увидишь тайну скрайбера Арто!

Над ними, растворяясь в мраке колодца, висело искусственное светило, протуберанцами выбрасывались языки раскалённого огненного пара, и все в вагоне потеряло первичный смысл. Джакоб увидел обнажённых людей в прозрачных стеклянных сосудах.

То были неведомые пейзажи - обнажённые группы - взвеси рыб и пространства, сосуды с отдельными частями, почти прозрачны, да рассыпанные цветы на странных сооружениях из панцирей крабов. Отдельно уши, проколотые булавкой, череп лошади с большой связкой ключей, сложной конструкции замки, а из скважин - вылетающие прозрачные шары - там тоже плавало нечто и кружилось. Летающие огромные москиты кусали обнажённых и на месте укуса вырастали грибовидные полипы. Чуть ниже - сплошь трупные пятна на розовом цвете младенцев. Из грота тянулись подвижные щупальца спрута. Вращая присосками, тянулись к уже готовому утонуть кораблю с окаменевшими в различных позах молящимися. Огромных размеров птицы мелькали тут и там, кружа над танцующими, и медузы, раскрыв свои прозрачные купола брали под защиту сидящих неподвижно сов - то не птицы, а покрытые перьями люди в масках птиц. Из нарисованного отверстия выглядывали изучающе животные, похожие на рыб, но с крыльями. Они открывали рты и о чем-то говорили со стоящим рядом котом с мышью в ядовитых зубах. А желающие взлететь

взлетали, не разрушая плоскости пейзажа. Рядом маленькие насекомые тащат огромную улитку с хвостом скорпиона - вместо жала - фасеточный глаз стрекозы. Энергичный механизм, скрытый за треснувшим хитиновым панцирем, вращал большой поршень, нагнетая воду в искусственные озера.

- Ты видел все, но узнаешь нечто большее - сказал Бонифатий - Я покидаю тебя и твой придуманный мир, но помни - ХРАНИ ТАЙНУ!

Джакоб очнулся. Он ехал в метро до станции "Кропоткинская" и, что на следующей остановке ему выходить.

СХОЛИЯ III. ГОТИКА

И было так, и над болотной равниной рыбьим плавником в архитектуре построек (текстуре чертежей гранитных скал), образуя галереи и специальные тайные ходы, поднялись однажды длинные пики башен. А при закате, особенно багровом, тени монастыря покрывали всю долину огромным крестом, и туман в долине, но не туман, - пар в нише, преломляясь с движением солнца, вырастал в огромный тюльпан - он был алым. Оседало, наслаивалось в сплошной пласт (сплошным пластом) причудливых слепков все, что было когда-то живым, но только в определённые часы возможно было, не вдохнув тлена пройти в монастырь, не исчезнув. Это время знал только ОН - ВЕРХОВНЫЙ КОНТРОЛЕР, которого никто не видел, но знали, что ОН есть, и будет, и что выше Его нет в мире никого, но только Бог. В день смерти, в Его торжественный день,

видим был только белого камня саркофаг. И не было горя в аллее святой, а через некоторое время появлялись послания преемника, вместе с таинственным исчезновением кого-нибудь из монахов. И постепенно, набирая силу, внушая почтение и страх, монастырь стал иметь власть над людьми и делами их, но не сразу, но только не сразу...

ДНЕВНИКИ БОНИФАТИЯ

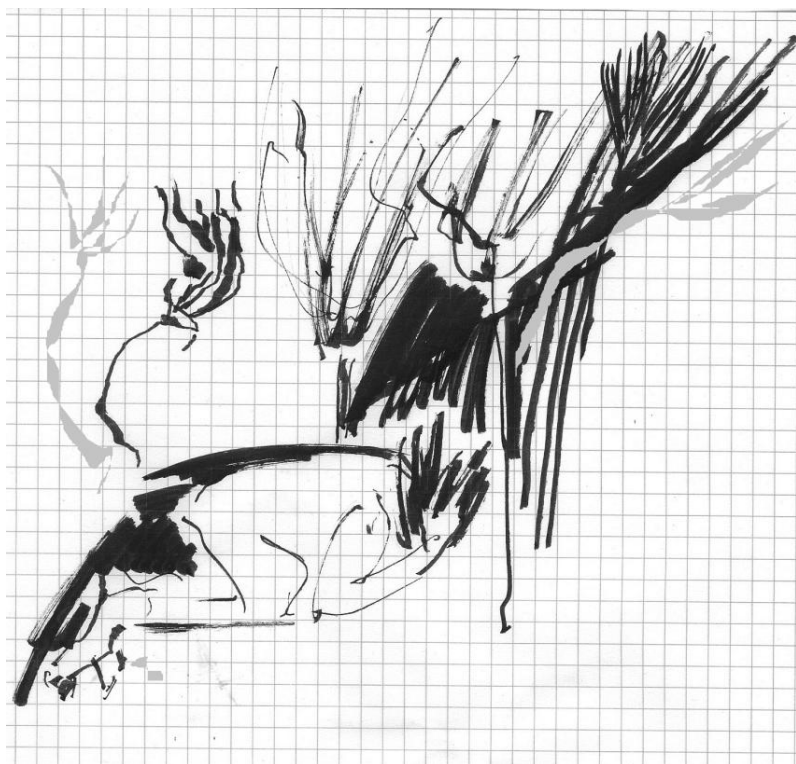
Всегда, всегда каждый шаг, вздох, мановение моё было подобрано с этой проклятой равнины, усеяно дрянью разбитых вещей, гипсовых рук и обломков статуй, или нет, истлевших, позеленевших под бронзу, - когда просто крах, пепел - финиш гниения, умирания и тепла. Спасёт ли спасение моё, или?..

Когда в минуты редкого одиночества, когда я все равно не один я остатками сил пытаюсь им быть, быть, быть (пишу, выжимая себя), но рука бессильно водит по пергаменту, скорее так, в пустоту веков, трещин, настурций, пока... Хлещ софистики, тяжесть немого выбора, и - сдох! сдох! - подыхание.

Боюсь совершить кошунство на бумаге, но хоть и пишу, пишу, но боюсь произнести: "ВЕРХОВНЫЙ...", но нет - не довериться перу. О, как мне выбраться отсюда! Все во мне истощено, нет - похищено до предела, а в пустоте этой кельи, этой унылой, - благо перу? - жужжание, сон, дрожь, дождь; изгвожденные лица гримас, проклятый страх, - и - любое мановение - дрязг, брызг, раздражение. Но, будто пишу для своих столь же казнимых как и я.

Вернакулярные лица сгущаются, удачный письменный приём, заем уродов. Появились невнятные лица. Их невнятность устрасала, но и большего их появления?.. - страшно!

Ускользнуло. Что, под чем, под какими ступенями? Ступени (спасительно). И - уничтожение, выпадание факелов и сны зеркал. Зеркало спит. Зеркала спят.

Всегда, всегда каждый шаг...

Я пишу сейчас в монастырской библиотеке - толстые стены, синие подвалы. Я пишу. Я пишу почти без надежды выбраться отсюда. (Почти - это просто так - нелепый взмах гусиным пером - так, что другие послушники поднимут головы и повернут шеи, бронзируя меня любопытством, упорством и нарастающим гневом).

Я пишу и мне остаётся только повторять рефреном (что я пишу). Верные солдаты, острые секиры. Верность и вера - то есть тюльпан и роза на гербе нашего монастыря.

Мысль падает, все падает, разлетается, сыпется и скачет, и я должен сам себе - себе сам повторять себя на бумаге - верные солдаты, острые секиры... - страшные оговорки пера, страшно написать его титул - он - "ВЕРХОВНЫЙ КОНТРОЛЕР" - моя надежда и моя пустота, звон в ушах и ковш ледяного воздуха, ватные стены, отчаянье, отчаянье и ненависть. Он - ВЕРХОВНЫЙ КОНТРОЛЕР - секретный представитель АБСОЛЮТА, и, - посредник и заступник нашего монастыря.

Пишу, будто бы не себе, но знаю, знаю одно, что мнится мне, что в пагоде и мире... нет, - что я разбит, разбит по всем пунктам.

Контрапункт, - небрежный звон колокола. Уханье казнящих.

РАССКАЗ БОНИФАТИЯ ОБ ОСКВЕРНЕНИИ СТАТУИ СВ. АНДРОНИЯ

Сегодня ужасная новость облетела монастырь. Событие столь я не знаю ужасное, что не знаю насколько потрясающе. С каким-то странным равноду-

шием смотрю на пергамент, на свои пальцы с пером и появляющееся: "Осквернение Абсолютно Белой! Ужасно! Все виноваты!" Рука ведёт строку, а мысленным взором я в Белой комнате, где Белая Статуя св. Андриана с простёртой рукой и уже осквернённая.

*"И никого не пощадят
Давно обещанные встречи
И никого не пощадит
Рука, простёртая вдали!"*

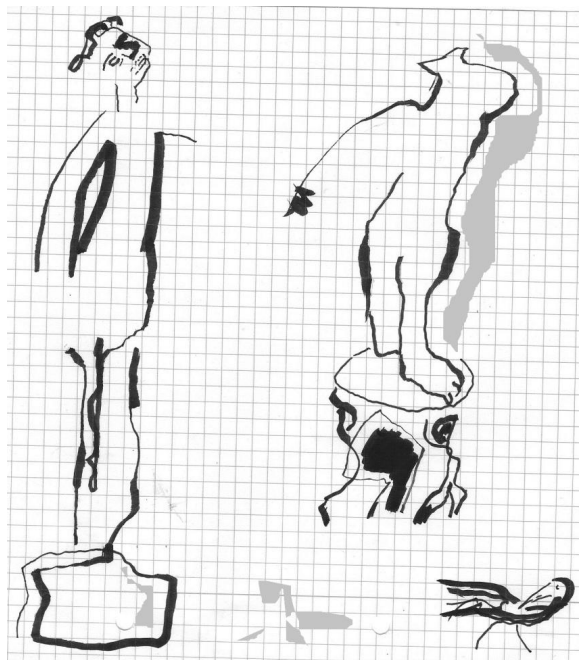
Да! Все забрызгано чёрными комьями и брызгами, растёкшимися и постепенно высыхающими на белом мраморе. Казалось, будто могучий поток чёрных грязевых комьев был исторгнут самим св. Андрианом. "Чёрные грязевые комья" - откуда у меня это? Я вспомнил! Как мгновенно возрос огромный тюльпан воспоминаний! Как арбалетная стрела, с лёгким хлопком, он выстрелил, распустившись, вверх, и в чуть красноватых тонах я увидел сцену в библиотеке, - картину с краями, загнутыми рулоном. Два монаха говорили о копировании манускриптов.

"ЧЕРНЫЕ ГРЯЗЕВЫЕ КОПИИ" - сказал один. "ИХ РТЫ-КЛОАКИ" - другой шёпотом. Я пытался разглядеть их лица, причём я точно знал, что они стали вдруг вращаться, так, что в поле моего зрения попадали только их спины. Была ли то библиотека нашего монастыря? - я не знаю.

Кто Оскверняющий?! Кто знает... Ведь если белый цвет чуть светящейся статуи заведомо обуславливался светлыми эманациями присутствующих, поэтому статуя служит материальным воплощением их устремлений

(БЛЕСК), то аналогично могли действовать и злые эманации Оскверняющего. Ведь все были рады, вернее - каждый из всех! Хочу сказать, что рад до боли, но "вкус кладёт порог". Золото и крем! - все попадали перед статуей, ибо статуя будто читала радость каждого и угрожала всем!..

Нас было пятеро - я и четыре других монаха, чьих имён я не знал. Мы были первыми, обнаружившими кощунственное Осквернение, и надо было идти оповещать. И все мы пали духом, ибо по монастырскому Кодексу, передававшемуся изустно, - мы, первые, заметившие Осквернение, несли много большую, чем другие ответственность.

Ведь если белый цвет чуть светящейся статуи заведомо обуславливался светлыми эманациями присутствующих...

Ведь что есть событие - в важнейшем своём аспекте оно есть впечатление на Оповещаемых. Для них же, в самый миг оповещения, мы есть передатчики Известия, имманентно с ним связанные. Милость В.К., однако, настолько велика, что мы избавлены от непосредственной ответственности перед ним, однако эта же милость распространяется и на оповещаемых, а поскольку для них наша вина не вызывает сомнения, то мы ответственны и перед В.К. (не прямо, а опосредованно - через Оповещаемых). И в этот момент оповещаемые становятся для нас орудием В.К. и должны нас утрашать. Милость В.К., однако, настолько велика для нас, что наш статус перед оповещаемыми элиминируется. Чем? - приданием нам с ними равного взаимостатуса. И с этого момента мы все равны в степени вины. Перед кем? Перед друг другом, и, следовательно, перед В.К. Но в то же время милость В.К. продолжает простираться на Оповещаемых, поэтому наша с ними взаимоответственность разная. То есть мы больше виноваты перед оповещаемыми, чем они перед нами, поэтому наша первоначальная вина перед Оповещаемыми возросла, и так далее.

Я немного успокоился, и теперь могу записать, что "в тот же день произошли ещё более драматические события..."

ОТ. СЕБАСТЬЯН ПОДУЧАЕТ ПОСЛАНИЕ

В тот день отец Себастьян как обычно зашёл в молельню. Только мягкий свет да полутона предметов - алтарь, колонны, витражи и мистические звуки

молитв сопровождали его. Он был один. И в гипнотическом сне упадёт блаженный, и свет войдёт в душу и возьмёт её всю, и глаза отца Себастьяна медленно опустились. Перед ним лежал свиток с печатью. Это была печать ВЕРХОВНОГО КОНТРОЛЕРА.

На коленях, не смея прикоснуться, отец Себастьян, как причудливый механизм, повинаясь каждому движению многочленов, начал свой неестественно-механический путь. Его движения были сложны и причудливы, казалось, что каждый сантиметр пройденного пути силы съедал и, казалось, что он вот-вот, потеряв равновесие завалится боком, но именно в той последней паузе между поступательным движением и обвалом тень от свечей выравнивалась, говоря о естественном положении центра тяжести. Достигнув последней точки сомнамбулического пути, когда осталось опустить руку и прикоснуться... вдоль всей залы, поглощая все, прозвучали торжественные аккорды. Звуки были сильны и отчётливы. Ни один из известных инструментов, хоров, оркестров не в состоянии воспроизвести и ноты из услышанного отцом Себастьяном. И с последним аккордом, как бы ставя на этом точку, рука коснулась свитка. И с электрическим разрядом страшный, парализующий крик заполнил молельню и уходя стал медленно исчезать, и при последнем его ощущении отец Себастьян открыл глаза и понял - это была музыка смерти. Неведомая сила вдруг подхватила его и страшно ударив об пол ушла вслед за криком. Отец Себастьян потерял сознание.

Когда первые лучи солнца, завоевав пространство между ночью и небом, упали сначала на длинный гномон в виде трубящего ангела, проникли в молельню, остановившись на лице отца Себастьяна "он медленно открыл усталые глаза". И когда память, гипсовым слепком сохранив произошедшее вернулась, судорогой напомнив о себе, отец Себастьян понял, что он жив. Сначала яркий свет в виде разноцветных радуг постепенно стал формироваться в многоцветье извитых линий, напоминающих собой неизвестный отцу Себастьяну алфавит. Постоянно сменяющиеся символы которого мгновенно удалялись, и, превратившись в точку, как бы рождали новые, созвучные им, но легко отличимые. Группируясь в слова и предложения проносился с огромной скоростью текст, который пытался запомнить почти отпрепарированный от плоти МОЗГ. С постепенным проявлением окружающих предметов медленно возвращалось сознание. И в том наложении пульсирующего текста на алтарь, колонну, витражи ощущалась некая гармония света и предметов. Затем предметы полностью вытеснили и непонятные символы и многоцветье радуг, оставив все как было - на полу, слившись с каменными плитами, неподвижно лежало тело. Не меняя положения головы, одним взглядом переместив алтарь в центр взора, он увидел свиток с печатью. Отец Себастьян взял его в руки и, уже не отводя глаз, поднял над головой. Длинные одежды упали, обнажив белые руки.

И неожиданно в этот момент зазвучали все монастырские колокола, самоорганизуясь в мелодию жизни и радости. Открылись тяжёлые двери и в молельню стройными рядами вошли монахи со знамёнами. Впереди шёл настоятель в белой сутане, окружённый вереницей чёрных капюшонов с большими свечами.

Все встали на колени, наклонились знамёна, замерли колокола, остановленные неизвестным дирижёром, и в сумрак упали молитвы и голоса вразнобой, хаотически преображённые. Между алтарём и на коленях стоящими отец Себастьян со свитком, объединяя собой всех, напоминая великолепную статую из неоднородных, но умело пригнанных гранитных кусков. И тут отец Себастьян почувствовал непонятное, и такое неподходящее для этой минуты влияние - среди множества лучей, не дающих теней, на него упала одна. Как будто кто-то, в сумраке святых надгробий внимательно изучал его. Внимательно приглядевшись, он бы ничего не заметил, но только движение от мраморной статуи (это было странно) - была только видимость тени - предмет потерян.

Стоящая скульптура была настолько неподвижна - но?! - лёгкое (свежесть падающих листьев), падающих - пронеслось в голове отца Себастьяна, кольнуло где-то в области лопатки - закружилась череда наслоений - брошенные гипсовые руки, сильный-сильный ветер и равновесие дня потеряло свой оттенок. Боги покинули Себастьяна - через

минуту он был мёртв, вернее умерло что-то, и хотя Себастьян и стоял неподвижно, но он был ПУСТ. Все внутренности съел СТРАХ... Страх вливался в него, утопить пытаюсь, и когда осталась лишь ОБОЛОЧКА (важный момент!) также внезапно пришло сознание - отец Себастьян как бы спал, но опять, как некий молодой удав из Анипария вновь схватил за горло, затянул петлю вырвать с корнем пытаюсь, но молитвы спасли. Лицо под капюшон - от чёрной земли не отличимое - дно вырытой свежей могилы - непривычный рельеф и... мгновенный выброс двух длинных и ярких лучей, настолько ярких и острых, что отец Себастьян успел заметить только два красных контура - глаза неизвестного, а с возвращением видимости - место, где только что стоял, или стояло НЕЧТО оказалось пустым. Это был человек, или только казался таким... И замелькали лица, ещё живущих и давно умерших, но оставшихся в памяти, слегка деформированных гримом, но не было совпадения при наложении - контуры раздваивались - не тот - про себя кричал отец Себастьян - опять не тот. И когда медленно всплыл и тотчас растворился образ последнего, Себастьян вдруг выронил свиток. Совпадения не получилось.

Через несколько дней его нашли мёртвым в подземном тупике лабиринта. Его МОЗГ был кем-то украден. Рядом с трупом лежал огромный, очень сложной конфигурации ключ и ЧЁТКИ НАСТОЯТЕЛЯ.

ПОСЛАНИЕ ВЕРХОВНОГО КОНТРОЛЁРА

И настоятель стал читать.

Братья! Сегодня услышим мы Слово Божье через пастыря нашего.

И да свершится суд его. Отдадим же души наши и будут они чисты от скверны, и никто не сможет сказать - грешны, и что жизнь наша, подобно растущему к солнцу цветку и ночью не сокрыта. Так приготовимся принять слова Его, и да будут слова его законом нашим! Амен!

И скоро настанет время, и прилетит чёрный лебедь из-за гор, и покроет землю своим чёрным крылом и настанет час смерти. Каждый спросит себя - за что? И лишь один найдёт ответ, но утаит его.

И произойдёт страшное движение предметов на людей, потому что предметы эти стали и есть суть людей. И никто не сможет скрыть себя через другого, но только убив брата своего. И упадёт тогда в отчаянии, ибо Антихрист уже рождён и со временем Он примет облик Христа, и настанет время расплаты за грехи наши. Не будет ни добра, ни зла, но только горе. Ибо сказано Иоанном: "...узнаются дела ваши и что живете вы там, где престол сатаны... в те дни, в которые у Вас умерщвлён верный свидетель мой...".

И настанет ночь вечная. И укроетесь вы в разных местах, но Антихрист отыщет Вас, осветит лица Ваши большим фонарём в руках и длинным лучом от фонаря отрежет головы Ваши, и налетят химеры с четырёх сторон, а оттуда, куда заходит солнце вползёт к Вам чешуйчатый змей, и все станут питаться Вами

и лить кровь Вашу и никто не устоит. И войдут слова в предметы Ваши и станут говорить предметы о скором конце Вашем, и все да убоятся, и придут убиенные братья Ваши и спросят - за что лишили их жизни? И нечего будет сказать Вам, ибо Вы грешны. И сказано: "знаю твои дела; но ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв. Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны перед Богом Моим. Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то я найду на тебя, как ТАТЬ, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя...".

Но в покаянии найдёте спасение своё. По пять во грехе своём пройдёте по лабиринту, обозначенному Мной на карте с печатью, и не возьмёте с собой ни книг Святых, ни крестов, ни священных сосудов, но только желание спастись от мести Моей, ибо осквернена статуя святого Андрония. А если имеющий уши не услышит, имеющий глаза не увидит - настигну его и о смерти тот будет мечтать вечно! Амен!

Голос настоятеля дрогнул. Где-то в глубине, во внутренней части шеи образовался как бы нарост и, увеличиваясь в размерах, давил и давил, останавливая дыхание и кровь, и было невозможно бороться с нарастающим беспокойством и страхом. И увидел настоятель, что многие из слушающих уже потеряли сознание и валялись на полу, издавая протяжные хлюпающие хрипы, а оставшиеся совершали беспорядочное покачивание и подвывали. И в этом кошмаре, увеличивающимся цветными витражами страшного суда, настоятель пытался остановить, помочь, рассосать образовавшийся ком,

но сил хватило только остановить смертельный рост, но возможности говорить он не почувствовал. Кто-то водил пальцем по расплывающимся строкам, и видна покрытая шерстью рука. И вдруг в темноте стали вырастать огромные грибы из лежащих на полу монахов, и стоящих оставалось все меньше... Но вскоре пришёл долгожданный ОБМОРОК. Он облепил глаза, уши, тело, появилась миражем долина - вкопанные гипсовые руки с красным тюльпаном, неестественно живым, нет, лучше хрупким, как стекло в витражах, и также разбросанные в беспорядке обломки бюстов.

ПЕРВАЯ ПАРТИЯ ПОКИДАЕТ МОНАСТЫРЬ

Движение началось со звона колокола. Нервное волнение схватило монастырь. Привычный порядок сменился новым. Страх и волнение каждого, будто заведённого, но всего подчинённого распорядку Единой Воли, - все, все как паз в паз, входило в новый порядок, действовавший с утра, однако поверх всего страх и волнение каждого, но уже поверх всего, уже нового порядка, уже нерасторжимо и вызывающего новые свойства, которые так и передавались: от монахов к нависающему и все подчиняющему порядку, - и суетились взявшиеся откуда-то распорядители, ранее не известные, и над ними - смотритель Дориан, но уже в новом качестве - не как Дориан, но как Дермидонт. (Бонифатий наблюдал движение). Быстро и спешно, преодолевая усталость, но неясно почему и куда, а потому гадко, но надо собираться, переваливаясь с ноги на ногу, с отвращением к... но скорее, скорее!, а то вон,

вон! - там! - идёт, идёт зритель Дермидонт, и надо, преодолевая, имитировать - подниматься, суетиться перед ним, перед, нет - под пристальным взглядом его (О! - только бы скорее!, скорее!), что бы потом, потом долго приходиться в себя, хотя надо собираться, надо готовить СЕБЯ ко встрече с ГНАБом - Главным Наместником Абсолюта - одно из его бесчисленных имён, и одно сильнее другого, и каждое - грозное и сверкающее, как 1000 боевых колесниц, разящих отступника градом калёных стрел!

За ночь, во исполнение приказа Верховного Контролёра, зала с колодцем в заброшенном крыле монастыря была очищена от векового хлама ("от хлама века, - и в проёме...") и выложена мраморными плитами. Колодец был выскоблен снаружи, и вокруг возведено сооружение алтарного типа с ВОРОТЦАМИ. Разнёсся слух, что монахам-строителям покаяние разрешалось пройти последними - в очередь вместе с музыкантами.

Итак, - монастырь был готов к покаянию. И будто бы добавился некий коэффициент, или на все наложился некий цветовой фон, или медленно опустилась воздушная сеть, или, или... так, что трудно было уже определить, что изменилось в монастыре, да и изменилось ли что вообще (долгота?) - да, сменился обертон долгот и, да, конечно, конечно, Бонифаций и мысли не допускал о покаянии, вернее - он не допускал и мысли, что нельзя не покаяться, вернее...

Атмосфера грозной торжественности торжественно царствовала в монастыре. Мраморное подобие алтаря с воротцами устрашало самих строителей.

Чья власть теперь витала в монастыре? Номинально - настоятеля. Но он сам был похож на заводного арлекина и когда сталкивался с наставником, то суетился, и всем чувствовалось, что истинная эманация уже перехвачена. И ему - Наставнику, было поручено вести первую партию.

К полудню весь монастырский состав собрался перед алтарными воротцами. Тягость, страх и оцепенение давили, надавливали, не давали свободно вздохнуть. Незвестное ранее витаю в воздухе.

Барабан и орган - два брата сводных, начали играть марш без небольшого восемь. Уныние и страх. Станным образом действовала эта музыка. Все ощущения смутного полёта и т.д., но бывшие всегда в душе Бонифатия в виде "жестов, оговорок, взмахов", все куда-то вытеснялось грозным маршем, и - уныние, страх, и требовался немедленный ОТВЕТ, но ничего не получалось, а все то, что возникало у Бонифатия, или, вернее, уже сразу не возникало, так как марш и заключался в том, что, - да, именно в этом, и все так грозно, так торжественно!..

И под бой барабана, под грозный рёв органа, перед рядами шествует Дермидонт, чем-то взмахивая время от времени, и два распорядителя вступали в расступавшиеся ряды, помогая выйти предназначенным, ряды же, перестраиваясь, смыкались.

И Бонифатия, Бонифатия, Бонифатия... - его пока (SIC!!!) не взяли, и вот от него особняком построена группа предназначенных - пятая часть всех монахов, и все - со склонёнными лицами.

Итак, играл марш, и монахи выстроились кругом, нет - квадратом вокруг священного колодца и ровно за минуту до полудня возникла парализующая, ватная, абсолютная тишина. От тишины многие монахи вдруг стали задыхаться, потому, что многократно усилилось биение их сердец, введённое в унисон. И в этот миг всеми вдруг БЫЛИ ЯСНО УСЛЫШАНЫ звуки ШАГОВ ИЗ КОЛОДЦА. Кто-то ШЁЛ по ступеням. Десятки глаз, в едином порыве, оцепенело впились в воротца.

И ровно в полдень по незаметному взмаху настоятеля бесшумно повернулись шарниры, смазанные оливковым маслом, и - створки распахнулись наружу. И - на постаменте возникла фигура человека в полу-монашеском одеянии. Все в ужасе преклонили колена. Одежда закрывала лицо Вошедшего. Внезапно его рука в перчатке поднялась вверх, и - глубокий стон потряс собравшихся - в руке Вошедшего был большой белый, абсолютно белый, лист пергамента, покрытый лёгкими штрихами обозначенной печати Верховного Контролёра. Вошедший взмахнул пергаментом и заиграл Новый Марш - монотонное буханье барабана и рёв органных труб на всех клавишах.

Со склонёнными лицами, к колодцу потянулись Предназначенные. Фигура в серых одеяниях, казалось, заглядывала им в лица, будучи сама абсолютно неподвижна, и входящие в распахнутую дверь чувствовали это и вздрагивали, отшатываясь, но как загипнотизированные продолжали свой ход и исчезали, а последним торжественно и важно шествовал Наставник. Лицо его пылало от благоговейного жара, а руки были нелепо скрещены на груди, нелепо, потому, что все привыкли

видеть его не иначе, как с Библией в руке, а книги брать не разрешалось. И вот он вошёл, а марш достиг своей высшей точки и вдруг резко оборвался - в абсолютной тишине были слышны только шаги спускавшихся в лабиринт и нестройное пение. Последней вошла фигура в сером, и двери, шарнируя, медленно закрылись.

Подавленные монахи разбрелись по кельям. Тоска и уныние. Уныние и тоска. У Бонифатия горело все тело. Смутный бред захватывал его, но смутная догадка ещё не осенила его. Он лежал на тюфяке обесиленный, он НАВЕРНЯКА был во второй партии, он не хотел испытания, он совсем его не хотел, никакого испытания, но невозможно было ускользнуть.

Он устал, он смертельно устал, он тоже был обречён, но любое мановение ума, обращённое вовне, получало убийственный удар, который убивал, убивал его, Бонифатия, потому что... во-первых..., во-вторых..., в-третьих... и вот рука его бессильно водит по пергаменту, нет-нет, это пальцы пытаются выбить дробь по парте - это пока что у него выходит, - нет, - по тюфяку - ведь он лежит, опрокинутый и покинутый, но почему еле слышен какой-то ТВЁРДЫЙ звук(?), и Бонифатий погружается в дремоту, и дремлет, дремлет, (почему здесь все время так хочется спать?) и он выходит и входит в прежнюю реальность с ещё застывшим ощущением чего-то твёрдого. С брезгливостью Бонифатий откидывает соломенный тюфяк и просовывает руку. Но ничего там нет, но только деревянный и твёрдый футляр, и в нем какие-то зеленоватые куски, рулон пергамента и огромный ключ. И даже не удивившись, Бонифатий стал читать...

РУКОПИСЬ СЕБАСТЬЯНА, НАЙДЕННАЯ БОНИФАТИЕМ

Бонифатий, брат мой, брат приговорённого. Это - я - Себастьян и мне странно теперь имя моё. Смятение и страх, нависающий сыск, мешают мне, но я так устал и затравлен, что словно уплываю от них.

О! - как бы я хотел провести необходимые изыскания. НО-лед и мрамор - что толку в одиноких изысканиях, однако-однако-однако, - мне моей старой привычки хватит, рассказать, и если стрела моего ума даст круг, то холод пергамента - холод материи будет моим отпечатком, о! не мои горячие пальцы, не мои фантастические догадки, а холод пергамента будет нести отпечаток меня. А я? Кто придёт за мной? Попробую представить их взгляд - мне страшно! Представь и ты, Бонифатий. Как поздно я назвал тебя братом моим!

Я так измучен страхом. Но буду излагать по порядку, буду, пока за мной не пришли, и подброшу, да, подброшу послание тебе.

О! - страх все разгоняет меня куда-то и надо остановиться, и есть ещё время, время, и говоря по порядку...

В день Оглашения я почувствовал непривычные эманации. Мне казалось, что за мной наблюдают, или... Исходящие вибрации я чувствовал помимо воли, и они были мне незнакомы. Язык мой невзрачен и тускл, но верь, верь мне. В них не было астральности - удела язычников, а было, наоборот, полное отсутствие звёздности, а вместо - ШИРОКОЕ И СЛЕДЯЩЕЕ. И ГНЕВНОЕ! Да, Бонифатий. Именно - не злобное, не

злое, а бессмысленно гневное. Я бы сказал нечто, нечто гневное, нечто широкое, но нет времени уже.

И трудно это писать, и страх подгоняет перо и меня несёт все куда-то и временами я проваливаюсь, а когда возвращаюсь - цепляют привычные образы и ассоциации, и я трачу время - О! - вчитайся, Бонифатий, внимательно вчитайся, и постарайся понять то, чего не понял я, когда в своём пёстром одеянии ощутил эти вибрации! "Нам могут имена помочь" и я обратился к личным, тайным... и стал подниматься вверх, вверх, в полупустоту и вверх - и вот исчезли тайные оковы! - да и не было их вовсе!, - но! - каждый раз, каждый раз меня охватывало какое-то полулюбопытство (полуслучайность, полубред...).

К сидящей внизу фигуре, я обращал свой мысленный взор вниз, вниз и в сторону, и - снова подпадал под действие гневных вибраций. Ужасно! Я потом уже, потом я чувствовал, точно объяснить не могу, но, к примеру, - нет среди нас безгрешного, и я допускал леность в молитвах, да и думать, что я её не допускал - грех, и вот я чувствовал, я чувствовал, Бонифатий, брат мой, когда я падал вниз, что фигура в остром капюшоне эманировала уже как бы надо мной, надо мной, Бонифатий, испуская свой гнев на меня, и гнев её как бы обращался к моей греховности, увеличивая её в 666 раз, и я чувствовал, что этот гнев вот-вот будет ПРИСТАЛЬНЫМ - точно в меня! - и как будто острый клин, луч, который входил в меня и рвал какие-то нити, тянувшиеся вверх; их уже никогда и не было вовсе (так мне казалось), и я не мог взлетать, и впадал в безнадёжный поток, и вибрации уже втягивали меня,

уже захватили меня - пристальные, следящие и ГНЕВНЫЕ.

Мысли путались, и я летел "вверх тормашками" и любой всплеск во мне подавлялся этими эманациями - О!, ужас!, - я чувствовал, что не могу взлетать и мелькнувшая мысль о недостатке веры, моей веры, полумелькнув - эта мысль почти доконала меня. Со вздохами, со вздохами сидел я в пёстром одеянии, Бонифатий, брат, - какая измена! Верь мне! Верь! Верь! Верь! (нужны ли вериги? - я будто отравлен!).

Потом был туман необычайно сильный, и, будучи ещё сильнее, в этом тумане, все проникающим и проникающим в молитвенную залу, в воздухе все более уплотняющимся, да, тогда был туман необычайно сильный, а я, перебирая чётки, старался наблюдать. После службы, после службы, когда все стали расходиться, я заметил, что настоятель медлит (МЕДЛИТ). О! - туман многое застилал, но я вдруг увидел, что монах неподвижен. И тут внезапная волна страха, подхватив, внесла и протиснула меня за статую св. Андриана, осквернённую недавно какими-то негодьями. Но и осквернённая - статуя служила надёжной защитой. Итак - я укрылся и замер, и св. Андриан наверняка бы одобрил меня, и теперь их осталось двое - сидящий в закрытом капюшоне, и настоятель с нелепой лентой через плечо. На миг я испугался за настоятеля. Оказалось, что каменный выступ в нише образует сиденье, и я примостился в своём весьма удобном убежище. Вдруг сбоку на меня остро надавил какой-то предмет, - изловчившись, я вытянул его и вздрогнул. ЧЁТКИ НАСТОЯТЕЛЯ! - те самые, известные всему монастырю,

и даже тебе, Бонифатий, лежали в моей нелепо раскрытой ладони. И тут я кое-что вспомнил. Я вспомнил, что после Осквернения настоятель всюду был БЕЗ чётков. Я вспомнил, что в последний вечер перед Осквернением, выйдя из молельной Залы одним из первых, я не видел перед собой настоятеля, и, ОБЕРНУВШИСЬ, я не увидел его и в Зале. И я также вспомнил ГРИМАСУ - широко раскрытый рот и безумный неподвижный взгляд - гримасу, словно нелепо размалёванную маску, прилипшую к лицу настоятеля при известии об Осквернении. И тут раздался голос сидящего в капюшоне. Он испугал меня, он испугал меня, он испугал меня, он испугал меня, - как ещё я могу убедить тебя в этом, Бонифатий? Верь мне, этот голос действительно устрасал. УСТРАШАЮЩИЙ ГОЛОС.

Я не мог их видеть, так как боялся выглянуть, но я услышал...

"Я снизу", - произнёс Голос. Затем вскрик настоятеля и лёгкое шуршание. Голос был слабый, чуть квакающий, с лёгким верещанием.

Звук коленопреклоненно упавшего настоятеля, "Это чтобы поняли. Без неожиданностей. В следующий раз отберу. В крайний случай. Вам. От крышки колодца".

(Я не видел, но почувствовал дрожь настоятеля). "Лица увидите, когда будет кончено". (Лёгкое верещание). И фигура, судя по затихающим шагам, быстро удалась. Меня охватила беспомощность. Я должен был что-то предпринимать, но тишина, тишина, висевшая в воздухе уже охватила меня ватным обмороком, ("но должен ли спасать таких - иль стих фиалкою взовьётся").

Я был настолько испуган, что осторожно выглянул. Я опять находился в лучах невидимого контроля. Ведь "смысл имеет каждый вздох", а у нас нет даже вчерашнего дня, только хари. "Во исполнение". Оглушительный колокол лупит и пуляет по стенам. Зачем?! Одного не понимаю - зачем? Абсолютно ясно, что их единственное стремление - жрать и властвовать. ("Объявлена мобилизация!").

Помню ещё, что статуя сзади была покрыта мягко-малиновыми кристаллами с зеленоватой плесенью. Не знаю для кого. Для новых прячущихся осквернителей? Статуя таинственным образом усиливала шёпот в зале, благодаря, как мне кажется, слуховым трубам, расположенным по периметру скульптуры. Я выглянул. Настоятель вертел в руках ключ огромных размеров, находясь ко мне полубоком. И снова страх как паз в паз вогнал меня в нишу. Внезапно раздалось хлопанье, и надо мной пролетели, махая крыльями, птицы молельной Залы ("уже не комната, а зала"). Меня вдруг охватила конвульсия страха и самопроизвольный спазм - я вздрогнул и горячий, оскверняющий поток мощно хлынул из моего горла. Вся гнусная масса с ударом, подобным хлопку, плюхнулась на широкую, плоскую и белую поверхность постамента, сделанную из милицейского мрамора, и быстро расплзлась с отвратительным зловонием. Раздался визг настоятеля - он УЖЕ падал, но ЕЩЁ визжал. В обмороке страха, повалясь ничком, он продолжал визжать. Огромный ключ грохнулся рядом.

Я пустился в бег прыжками, гонимый ужасом содеянного, и, будучи через 3 скачка у настоятеля, запустив руки в его карманы, я извлёк сверкающие лис-

ты пергамента, свёрнутые рулоном. Это на нём я пишу, на Обратной стороне. Рядом валялся выпавший из кармана КРИССТАЛЛ, точно такой же, как и на поверхности статуи. Да, теперь я точно это понимаю. ТАМ были такие же кристаллы элексира. ДА, ДА...

Я думаю, что это связано, это как-то связано с текстом на другой стороне, с этими непонятными значками. Но тогда я не догадался, не догадался, не смог, не успел, забыл!, забыл!, забыл! взять такой кристалл, такой КРИССТАЛЛ! И теперь тебе, тебе вести дознание, и - доставать кристалл самому. (Я думаю, КРИССТАЛЛАМИ можно РАСШИФРОВАТЬ текст).

Итак - ключ-пергамент. Я не похитил их, а завоевал. Ибо мы - мы должны быть воителями огромного духовного воинства, и где бы мы ни были - мы всегда на бесчисленных полях огромных сражений, там, где через своих подставных бьются в противоборстве ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ МЕЧИ.

Итак, итак я завоевал их, ключ и пергамент, и вот из зала со статуей св. Андриана, я бросился туда, где меня не будут искать СРАЗУ - в молельню одинокого странника. Да, ещё ключ и колодец. Я не знаю, быть может, надо было туда? Ведь я ещё могу успеть. Я не знаю, я просто не знаю. Может, у меня не хватает духу спуститься в эти переходы... Ведь статуи моего монастыря, хоть и осквернённые..- не знаю, не знаю, - я сам ничего не понимаю..., Бонифатий. Этот ключ таких огромных размеров... мой ум и проницательность... - у меня стучит в ушах, и рвёт пергамент перо Одинокого Странника, и так мало времени, что бы все это понять...

Они меня найдут. Перевернут все вверх дном, но найдут. Настоятель, даже в обмороке, наверняка заметил меня. Найдут, но не сразу. Чувствую, что к концу. Моё послание. К концу. Скоро, скоро мне надо идти и пока настоятель валяется в Зале, а туман стелется по коридорам, мне надо, мне надо в твою келью. Пергамент уже кончается. ПЕРГАМЕНТ. И ещё... мне вспомнился, ты, верно, видел его, кукольник Ларион, так вот, я хорошо знал его, он был мне настоящим братом, но потом что-то случилось, и я не мог уже помочь ему, хотя может быть тогда мои молитвы и помогли бы. Мы много говорили и пытались, вернее Ларион пытался сообщить мне, Себастьяну, нечто сокровенное от человека, но я не понял тогда, вернее не хотел сказать мне Ларион, было страшным и тайным, и, однажды, поверив в это, было бы невозможно жить, и к моей печали Ларион был очень доверчив, за что и случилось с ним то, что сейчас происходит со мной. Если бы я знал тогда что все, что говорил Ларион - истина, мне было бы сейчас намного легче, но я часто говорю сейчас сам себе, и тебе - было бы, было бы, если бы, но я не хочу им быть, я не хочу, и не желаю знать эту страшную тайну... Моё знание мира, мои модели похищены. Сейчас я один, и только ты сможешь спастись, если поверишь, только верь мне, верь, ибо вера способна дать тебе жизнь. Мне уже поздно...

Скоро за мной придут. Они будут искать и тебя... Но найти уже не успеют, - послание получено, механизм вращения не остановить, они не смогут нечего сделать с тобой - если останется у тебя вера, ты будешь спасён - спасение твоё в искренности моей, верь,

...к моей печали Ларион был очень доверчив

молю тебя верь... У меня осталось мало времени, его совсем немного, песочные часы почти остановлены, но надо успеть сказать все. Перо невнятно скрипит, и мне кажется, что это скрипят каменные плиты надгробий под их крысиными ногами - и я останавливаю мысль - прислушиваюсь к ночным звукам, пытаюсь услышать хотя бы дыхание их - сколько мне осталось, не знаю, но очень мало, и жизнь сейчас измерима только минутами, и я переворачиваю песочные часы, снова запускаю отведённые мне минуты, и продолжаю писать тебе с верой, что хватит времени на все.

Это было много лет назад, когда я и Ларион были молоды, так же молоды, как ты сейчас, Брат мой Бонифатий. У нас была мечта, мы хотели вырваться из этих страшных стен, но туман долины, мы боялись смерти, и тогда Я и Ларион приступили к изучению геометрии гусиного крыла, чтобы поняв механизм полёта птиц, подняться над долиной и вернуться к людям. Это была наша последняя надежда, и видя, как стаи диких гусей легко проносятся над нами с радостными криками, мы строили наш летательный аппарат-мускулолет. С приближением окончания работ наш чудо-аппарат приобретал прекрасные очертания - наша гордость и наша надежда - и он был почти готов, я говорю почти, потому что доделан он не был. Брат Ларион сошёл с ума и сжёг сначала чертежи, потом и чудо-машину. Я не мог помешать ему, потому что право испытать её в деле по условию нашего совместного договора принадлежало мне, а я очень боюсь высоты. Мне страшно было в этом признаться, но когда я нахожусь на самой вершине колокольни, то, то невнятное и... это не голо-

вот окружение, нет, это панический страх перед открывающимся видом долины. И когда наша последняя надежда была превращена в пепел нашими собственными руками, именно тогда я заметил странности в брате моем. Лориан стал мастерить куклы и статуи. Я часто бывал в его мастерской и видел все. Он мастерил статуи и хотел познать природу боли и страдания, он мечтал сделать статую, способную к испытанию грехом, способную к человеческому, и даже большему, ибо в страдании человек ощущает боль. Лориан хотел сделать куклу, способную ощутить страх и тоску. Тогда я начал следить за ним, за его алхимическими опытами. Он пытался создать экстракт, оживляющий мрамор. То были очень странные опыты. Лориан часами ходил по дендрарию среди пёстрых и причудливых растений, выписывая на пергамент их прекрасные названия - филлирея, лоропеталям, дазилириок, олеандр, ликвидамбар. Он рассматривал в большое увеличительное стекло наши цветы, затем щипцами удалял что-то, и я был свидетелем, я видел мгновенную смерть растений - они становились хрупкими, как стекло, и... Лориан ломал их, нёс к себе в келью и там толкал в специальных ступах, превращая в пыль то, что когда-то было живым и прекрасным. Это были мои любимые цветы, Бонифатий! Ты не поверишь, ибо брат мой убивал вместе с цветами и во мне что-то.

Лориан хранил в тайне структуру и цель своих опытов. И тогда же мы занимались созданием специальной астробии, ибо верили, что разум наш способен к тайным путешествиям, к мысленному изменению широт и долгот, отталкиваясь от неясных очер-

таний звёзд на небе. Астрология была нашей путеводной мыслью. По ночам мы сидели в построенной нами обсерватории и изучали изменения планет, надеясь, что скоро придёт наш час освобождения. Мы рисовали на пергаменте карты вселенной, раскрашивали их красками, добытыми из минералов и растений, и чувствовали, что в этом наше освобождение, и что никто и ничто не сможет забрать результаты головокружительных догадок.

Но, к сожалению, через некоторое время занятия эти нам надоели. Наши встречи в обсерватории становились все реже, и вскоре прекратились вовсе, превратив и с таким трудом придуманную астролябию и прекрасно разрисованные карты в простой и никому не нужный хлам, который во время холодов был сожжён чьими-то чужими руками. Вместе с тем, в сознании Лориана постоянно происходили странные изменения. Он становился ещё более задумчивым и замкнутым, не доверяя уже и мне. И однажды Лориан пригласил меня к себе в келью, показав свою новую работу. Сейчас я многое понимаю - это была статуя святого Андриана, да-да, та самая статуя, из-за которой и происходит весь этот ужас. Скажу тебе честно - тогда это была самая обыкновенная статуя, каких было в монастыре множество. Тогда я не понимал, что именно эта статуя была подвергнута обработке эликсиром, придуманным братом моим Лорианом. Он пытался мне что-то объяснить, но мне не хотелось слушать его, потому что уже тогда многие в монастыре поговаривали о явном его сумасшествии, и я был один из всех, кому Лориан мог открыться, но сердце моё съел страх, и хотя я и слу-

шал его со вниманием, но это был всего лишь обман, мысль моя была далеко от него.

После внезапного исчезновения брата моего Лориана меня вдруг охватило непреодолимое желание узнать, чем всё-таки занимался он в последние дни. Его исчезновение было очень загадочным, и никто не мог обнаружить последних штрихов пребывания Лориана в монастыре. Он просто исчез, каким-то образом покинул нас, но, я уверен, не монастырь.

На следующую ночь после трагического исчезновения брата моего Лориана, я, взяв ключ от его кельи направился туда. Мне было очень страшно идти, ноги плохо слушались меня, потому что я был очень одинок, и мне было очень больно видеть пустую келью Лориана, ведь это был единственный из всех в монастыре, кто верил, искал, и надеялся. Мои руки дрожали, открывая скрипучую, очень тяжёлую дверь, и тогда, стоя перед дверью в голове моей пронеслись вихрем воспоминания, обрывки фраз, наших совместных усилий над понятием сути вещества и сознания. Тогда нас было двое, а сейчас я один, да я один должен искать выход, хотя вера в успех давно потеряна, но тогда казалось, что это единственное, что могу сделать для брата моего Лориана, но уже не для себя. И вот я открываю заветную дверь, вхожу в полумрак хорошо известной мне кельи и вижу пустоту предметов - все умерло вместе с исчезновением Лориана. Среди колб, реторт и потухшего очага я увидел большое число заготовок из гипса, глины и мрамора - головы, ноги, руки, уши - все навалено в беспорядке, а на небольшом возвышении, я увидел большую клетку из бамбуковых прутьев - в ней

ползали с пронзительным писком несколько пар пойманных крыс. Они были живыми, но только на первый взгляд. В их маленькие головки были вкручены очень тонкие спирали. Они светились и пружинили с каждым дыхательным движением - это был результат последнего опыта брата моего Лориана. И опять непонятный гипнотический страх охватил меня. Стало ещё холоднее от этой страшной пустоты, все нависающей и нависающей, и казалось - пространство расколото в этой умирающей келье. Что-то толкнуло меня к мрамору - к почти готовой мраморной голове и я коснулся её - она была тёплой. Мне опять стало страшно, ведь холод кельи должен был придать холод и мрамору, и я почувствовал, я уверен, что мраморная заготовка тоже испугалась моего тепла. Все в келье было живым, но медленно угасающим. И я с ужасом бежал по винтовым лестницам, повторяя вслух и про себя - СПАСИ, Господи...

Неожиданно я оказался перед той самой статуей святого Андрония - она светилась небесными огнями, она была почти прозрачной, и я дотронулся - она была огненно тёплой, как будто внутри горело множество факелов, разогревающих мрамор...

Дальше были невероятные, совсем невероятные события. Вчитайся, брат мой Бонифатий, ради бога вчитайся со вниманием, и поверь, прошу тебя, ибо самые невероятные события, уже потом, когда спадёт жар в голове, кажутся банальными, и все время возвращаешься назад с чувством - почему раньше не верил, и верить не пытался. Так читай, и не дай Бог тебе усомниться, не поверить, потому что времени у тебя

нет, и ненужное время для испытаний подходит к концу, да и тебе ничего больше не остаётся, как не обвинять меня в сумасшествии или в сговоре, тоже тайному с Дьяволом. Но вынужден признаться, что тайная мысль, мешающая мне даже сейчас, пульсирует, отстраняя и уводя от главного - это мысль о могуществе сил, не подвластных человеку. Мне кажется, что здесь не обошлось без них. Но не думай об этом, ради Бога не думай. То, что я скажу тебе сейчас, вернее то, что я должен сказать тебе сейчас... рука дрожит, перо цепляет пергамент, холодеют пальцы, но я должен, должен опять мысленно возвращаться к тем событиям и как бы испытывать себя и свою усталую память, подвергая её новым испытаниям, каждое из которых может принести мне гибель, но не смерть... ИТАК - СТАТУЯ ЖДАЛА МЕНЯ! Ты понимаешь, ждала долго и мучительно, ибо не могла сама по себе двигаться и все время излучала некую астральность, не произнося при этом ни одного звука. Внешне это была обыкновенная статуя, но только внешне. Она ждала меня, чтобы повторить слова своего создателя Лориана, и больше, это особенно испугало меня - СТАТУЯ ДЕЛАЛА ВЫВОДЫ! Видимо действие эликсиров было непродолжительным, оно заканчивалось и статуя ожидала свой неминуемый конец, своё умирание - превращение в глыбу обработанного камня и она ждала меня, только я мог понять её, её астральный язык. Этому мы учились вместе с Лорианом, когда строили обсерваторию, создавали наши карты морей и ветров, строили мускулолёт - тогда был создан этот тайный язык - концентрация энергий и образов. В этом было что-то пугающе

языческое... Но я опять возвращаюсь к началам.... Это не имеет никакого значения сейчас!!! Прости, просто нет сил сосредоточиться... Я ПРОДОЛЖАЮ!!!

"Есть ли у тебя элексир?" - спросила статуя. При этом она засветилась множеством разноцветных огней. "Есть ли у меня элексир?" - механически подумал я. Статуя поняла вопрос, вопрос, который я задал сам себе и сам себе ответил - "НЕТ. Тайну рецептов знал только брат Лориан".

- Я гибну, я погибаю, но знай, что ты, и все вы погибните вместе со мной, постепенно, такова воля пространства. Ты, Себастьян, погибнешь первым, и я расскажу нечто большее, о чем ты догадываешься - слушай! - свечения прекратились, и из ранее прозрачной звёздности стал пульсировать расшифрованный мной код энергий - СТАТУЯ ЗАГОВОРИЛА! Передо мной, постоянно деформируясь, повинаясь каждой неясности пространства, возникло лицо в морщинах неизвестного мне монаха. Оно парило в воздухе, но я уже знал, что имя его - скрайбер Арто. Неясность его контуров никак не отражалась на его словах, он говорил чётко и внятно.

Весной 923 года временно прекратился контакт с верховным контролёром. В пятом месяце с необычайным холодом начались странные явления, предсказанные в последнем послании. Гербаст Афанасий, тайно распространяющий св. учение в долине Цветов возвратился в монастырь. Он принёс известие, что язычники покинули долину. За ними ушли звери и улётели птицы. Ничто теперь не препятствовало буйной растительности. В начале 6 месяца над главной ча-

совней летали 4 птицы яркой, необычайной раскраски (птицы являлись говорящими!), вскоре начался всё усиливающийся ливень, который прекратился лишь в годовщину дня ВЕРХОВНОГО КОНТРОЛЁРА, монахи воспрянули духом, однако это было лишь началом драматических событий, развернувшихся в монастыре летом 923 года.

Вскоре наступила засуха, и в течение месяца вокруг монастыря не упало ни единой капли дождя. Под лучами солнца в долине Цветов, превращённой в болото и медленно высыхающей, расцвели огромные, невиданные, необычайно яркие цветы неизвестного вида (без запаха). В болотистом климате долины Цветов, раскалённый лучами света пар поднимался вверх, окутывая монастырь. Я, смиренный скрайбер Арто, жил в монастырской башне, по соседству с настоятелем, под кельями гербаиста, смотрителя (и астронома), и нас, по-видимому, не доставало действие невидимого пара.

Лишь теперь я могу объяснить те странные признаки, которые обнаружились к тому удивительному вечеру. Уже во время дневной службы в воздухе витало нечто, похожее на сон и вялость, чему я не могу подобрать названия, и что вскоре сменилось необычайным возбуждением и оживлением. Служба шла обычным порядком, но что-то было нарушено и к вечеру всеми овладело странное беспокойство.

Но это мне, смиренному Скрайберу Арто, ясно видно только теперь. Тогда же, гонимый смутными образами, гонимый в свою келью на башне, я, прямо в одеянии, заснул.

Ночью сквозь сон я слышал возбуждённые крики, быстрые шаги внизу, беготню, звон колокола, но снилось ли это мне, или было на самом деле, я так никогда и не узнаю.

Я проснулся от страха и увидел неподвижное лицо настоятеля, глядящее на меня через отверстие в двери моей кельи. Что-то в выражении его неподвижного лица испугало меня и заставило сразу проснуться. Не помню как я оказался у двери и распахнул её.

"Цветы!" - прохрипел настоятель, падая в мои руки. Он уже не дышал. Из его спины хлестала кровь. Я бросился вверх. Там - на самом верху были две башенки - кельи смотрителя, астронома Гвидо и гербаиста Афанасия (странное соседство!). Дверь в келью смотрителя была распахнута. Я ворвался - там никого не было. Что-то заставило меня подбежать к одному из двух необычно широких - в пол стены - одно напротив другого окон, и - я застыл в оцепенении: монахи покидали монастырь. Я видел две растянувшиеся линии фигурок, на север и запад, спускавшиеся вниз, в долину Цветов, и тёмные одежды выделялись на фоне жёлтой, высохшей травы.

До меня наверху доносилось исступлённое, нестройное пение, и я не понимал его, потому что это не было исступление отчаянья, или исступление радости, но лишь нечеловеческое слышалось в нем. Монахи шли с книгами и ненужными днём факелами, чей бледный свет был почти не виден. Особо тяжёлые фолианты они несли, спотыкаясь, по двое и четверо. И из другого окна: такие же линии (на юг и восток и вниз) фигурок с факелами, трава вокруг них дымилась (наверное, кто-

то выронил факел), и впереди колонны, движущейся на восток, пританцовывая, с важным видом двигался главный монастырский смотритель. Наверное, он кого-то пародировал. Я, поражённый, застыл... "Арто! Арто!" - раздался крик сзади меня. Это был библиотекарь Андроний. "Скорее вниз!" Андроний подбежал к окну.

Он стиснул кулаки. "Вниз! - пока не все ушли - их надо задержать!"

Там! - испарения! - они погибнут!". Я с ужасом смотрел как первые в спускавшихся вниз колоннах падали, как упал главный смотритель, выбросив вперёд руку с фолиантом, как горела кругом сухая трава, застилая все дымом, как все меньше голосов звучало в иступленном хоре, а оставшиеся звучали ещё иступленнее. Новый крик Андрония вывел меня из оцепенения. Мы ринулись из кельи вниз, столкнувшись на пороге с гербаистом Афанасием. Он с заспанным видом входил в келью. "Вниз!" - закричал Андроний, и Афанасий ринулся за нами.

Я, смиренный скрайбер Арто, подчиняясь, бросился за Андронием вниз. Он бежал первым, сразу за ним - я, третьим нас догонял Афанасий. Он разгонялся слишком долго и поэтому мы с Андронием бежали впереди. И мы почти летели вниз по узкой винтовой лестнице, нас било и мотало в стороны и мы еле успевали наклонять головы там, где это необходимо. Мы ввинчивались вниз и справа время от времени мелькали узкие окна. И каждый раз, каждый раз одна и та же сцена внизу - монахи, покидающие монастырь, словно разыгранная перед нами сцена языческого театра. Но всё-таки эти сцены, будучи выхвачены из живой ре-

альности — " " - менялись пропорционально времени. Вот монастырский флагелан застыл неподвижно, вот он наклонен вперёд, вот ещё вперёд, вот ещё - и из последнего окна я видел его уже застывшим в своём падении. Быстрее, быстрее, быстрее.

Миновав широкие и распахнутые во всё своё се-ребро двери молельной залы, мы оказались на входном постаменте. Оттуда нам открылось удивительное зрелище.

В красных тонах залы царствовало замешательство. Там, на дальнем конце, были резко распахнуты огромные выходные двери, широко обитые золотом. И общее ощущение диссонансом нагнетал колокольный звон, настойчиво выводивший равные такты мелодии. Было холодно и становилось все холоднее. Вдруг мне показалось, что такты мелодии звучат каждый раз по-разному. Я прислушался и уловил новый ритм - порядок неравных порядков, тактов ритм-ритма, и я напрягал слух, как-то внутренне раскачиваясь, и это становилось все слышимее - я даже уловил мелодию - 2,3 - такта с одним главным, я пытался её постичь, но отвлёкся - снова бросил взгляд в залу - но в тот же миг я вдруг ощутил новый ритм ритмов — те же 2,3 такта, но с другим главным. И опять я, как бы раскачиваясь, входил в унисон с сериями колокольных ударов, постигая их слитную гармонию, и казалось, - я достиг понимания, и вдруг все снова!

Опять новый ритм! И потом, кажется, ещё...

И тогда я снова прислушался и понял - все серии колокольных ударов были абсолютно одинаковы! Что-то во мне, медленно вибрируя, отпечаталось на этих

звуках, и я, оказывается, слушал самого себя! Я приписывал этим равным звукам то, что было во мне...

Но я, Арто, должен сохранять равновесие мысли...

Почему я так прислушивался к колокольному звону, доносившемуся почему-то из-за верхних хоров? Потому, что молельная зала являла потрясающее зрелище! Зрелище, на которое я боялся полностью взглянуть. ДО конца своих дней мне, скрайберу Арто, его не забыть!

Мы с Андронием стояли на широком входном постаменте, а по зале хаотически перемещалось множество монахов, из них некоторые с факелами. Движения их были бесцельны! Иногда двое-трое сталкивались, но каждый разворачивался и шагал наоборот. В зале горело множество свечей, и под монотонные звуки колокола мой взгляд упал на массивные выходные двери, широко обитые листованным золотом.

И возле них я не сразу заметил фигуру в жёлтом. Я вздрогнул! Что-то было знакомо... ГЕРБАИСТ! Ведь гербаист бежал за нами?! Но вот реальность - Афанасий все время был в молельной зале. А за нами гнался не гербаист, но АСТРОНОМ. О, ужас! Да! - фигура в жёлтом - гербаист Афанасий, но слегка изменённый, вернее - слегка изменена внешность. Выходные двери были широко распахнуты и с постамента нам с Андронием была видна часть уходящего хода. Горели факелы, а с сырых от влаги каменных стен свисали древние знамёна и там дул сильный ветер, потому что знамёна трепетали. Приглядевшись, я увидел, что к носу Гербаиста был прикреплён странный предмет - изогнутый

острием вниз конус. Конус был ярко украшен - разрисован красными цветами.

Монахи, которые тоже теперь были чуть изменены, непрерывно перемещаясь, механически жестикулировали. И движения их не были хаотическими. Они скорее делали очень сложную поступательную маршировку, сочетающую в себе взаимную подмену траекторий с круговыми заходами, вернее с эллиптическими, причём ясно чувствовалось, что дальним, геометрическим центром траекторий были золотые двери выхода, центром реальным был огромный стол с фолиантами рядом с гербаистом, а центром натуральным был сам гербаист. И когда некоторые из монахов оказывались рядом, то Гербист Афанасий изгибался в их сторону, выбранный подходил к столу, снимал фолиант, прижимал к себе и спускался в ход. Если же выбранных было несколько, то они заведомо брали более массивную книгу, брали, не выпуская из рук факелов.

И я почувствовал, что воздух залы похож на тот, который всегда бывает после грозы, однако без освежающих свойств того (что после грозы). Я понял, что испарения извне проникали в залу. Все дальнейшее представляется мне в красноватых тонах, несомненно, что я попал под действие пара, возможно, что он начал действовать на меня ещё наверху и я так никогда достоверно и не узнаю, как относятся к фактической реальности мои видения. Ведь если считать, что виденное мной есть лишь результат опьянения цветочным газом, то почему я, выходя из этого опьянения, этого не почувствовал!? (Не прервалась цепь событий). И если все было лишь иллюзией, то почему же вся схема

тех событий не менее ясна и разумна, чем сегодня, а не как во сне. Я, скрайбер Арто, полагаю, что газ всё-таки действовал, но лишь совершая разменную операцию над главными монетами. Хочу пояснить следующее: если события дня сравнить с монетами, а их цепь с "золотой, многосложной, запутанной цепью", на которую нанизались монеты, то действие на меня газа заключалось в том, что в моей многосложной цепи - виденном мной, произошла подмена монет, однако сама структура цепи осталась прежней. Дело, однако, в том, что центральная, глубинная структура, образующая цепь, до конца никогда нам не открывается, и что являлось реальной цепью в событиях того дня - мне не известно.

И вот один за другим монахи, будто в сомнамбуле, исчезали в проходе, указанном Афанасием. Все дальнейшее представляется мне очень убыстрённо, но потом я понял, что причиной была наша с Андронием замедленность - результат воздействия клубов невидимого газа. В зале развернулись драматические события...

Стоя на входном постаменте, мы оба одновременно почувствовали, что за нами, пока мы бежали вниз, гнался астроном, вернее уже гнался астроном. В задачу его (поставленную кем?) входило...

В прочем, мне мешает ужас... Но " ", и я, Арто, свидетельствую, что именно Астроном, должен был УБИТЬ всех НЕПОДВЕРГШИХСЯ действию цветочного газа, Да, он гнался за нами, и мы еле успели уйти в сторону, когда Астроном ворвался в залу. О! - он бежал так, что казалось - статуи закричат от страха.

И были единственные очеловеченные звуки - его мелкий смех. Астроном бежал по зале. Он нас не заметил! Нет - заметил, но мы не заметили того, что в зале. Ведь внезапно один из монахов стал вяло сопротивляться - кукольник Антоний, с чрезвычайно серьёзным видом, но движения его были неуклюжи, замедленны, и поэтому-то Афанасий трясся от хохота столь сильного, что звуков не было слышно, поэтому-то он никак не мог схватить Антония. И вот Астроном, в ярости, бросается вперёд, с искажённым от ярости лицом.

Его лицо устрашало всех, кроме его самого. Даже сомнамбулические монахи расступились, а некоторые из них от страха свалились. Гнев и ярость, фонтанируя, сверкали из Астронома. Широкое, плоское и красное лицо его было... Из него так и исходило... Что? - я не подберу слов... Неодолимость?.. ДА! Было видно, что он из другого мира. Даже гербаист перестал смеяться и замер. Было слышно лишь хриплое дыхание кукольника, который тщетно пытался вырваться. Астроном нёсся по зале. Хорошо чувствуя дуговые орбиты он избегал столкновений с перемещающимися. О! - он был страшен. И страшное ощущение усиливали квадраты из блестящего металла (золото?) на его одеянии: 2 на груди и 2 на руках, и все для устрашения! Как огненный вихрь, как пламенный СМЕРШ пробежал астроном - огромный и мощный рывок ярости и, видя это, все были парализованы страхом. Замер даже, гербаист, на помощь к которому нёсся этот КОМ МОЩИ. И снова мелькнули 4 блестящих металлических квадрата!

И этими квадратами явно была обозначена некая астральность, - грозная и сверкающая как боевая

колесница, сокрушающая ум одной своей грозной уродливостью, и астральность новая, а потому мощная, - как если бы в нашем монастыре на звёздный пьедестал был возведён какой-нибудь кристалл, в эманациях, исходящих от которого, мы бы уже привычно чувствовали себя, а на доспехах врага был бы обозначен грозный леопард в прыжке. Или, допуская, быть может, лишнюю фантазию, наоборот: неожиданно кристалл врага парализует ум, а уже привычный леопард - просто изображение.

И вот, хотя прошло уже столько лет, а я, скрайбер Арто, никогда не забуду, как всего лишь 4 куска металла, но прикреплённые к телу врага, приумножали его грозную мощь - и никто из нас не мог сдвинуться с места от ужаса (кроме кукольника) - 4 куска металла - в другой ситуации просто жалкая символика. О, да!

Но даже понимая механизм этого воздействия... Чем защититься? Я знаю, что подобная бутафория специально изготавливается, чтобы разбить тонкие, стройные, хрупкие умы, что *ignoramus* их даже не заметит - лишь для тонкого и хрупкого его ум окажется для него же ловушкой, а для врага - чем-то, за что можно схватить и уничтожить. И вот яростный Астроном несётся по зале, грохочут его шаги, от грохота летит пыль с колонн, а все мы, кроме астронома и гербаиста, уже отравлены красным туманом, а кукольник, - бедная жертва двух негодяев ещё пытается вырваться...

И вот астроном рядом с гербаистом, он оттеснил его и, яростно ухватив кукольника за руку, потащил к выходу, из которого уже виднелся тающий красноватый

туман. Кукольник упирался. Раздались яростные ругательства. Это стал паясничать гербаист. Было ясно, что он не столько раздражён, сколько пытается утратить кукольника. Но кукольник упирался. И тут Астроном с выпученными глазами обрушил на спину кукольника ужасный удар. Кукольник закричал. Афанасий ударил его ногой, спотыкнулся сам, и, в совместном падении, протащил к выходу. И астроном совсем озверел. Его мутные глаза лихорадочно блуждали, и вдруг в их блеске сверкнуло злобное торжество. Схватив фолиант, он обрушил его кукольника на голову. Тот вскрикнул и повис на руках гербаиста, который, ругаясь, потащил кукольника к выходу. И еле слышным голосом кукольник издал странные звуки. "Астроном" яростно ударил его по лицу. Он совсем озверел.

Но никто не обратил внимания на слабые звуки, вдруг донёсшиеся из-за огромных, необычайно широких боковых дверей, отлитых из бронзы и богато инкрустированных. Однако через миг звуки усилились, потом ещё громче и вдруг огромные двери пали и рухнули на каменный пол, выбитые ударом нечеловеческой мощи. Двери со звоном разбились. И вот тут-то и появились странные существа - похожие на монахов, но лишь условно, со схематично обозначенными лицами - нарисованные глаза, нос, рот, но не маски, нет, а ЛИЦА этих существ - пародии пародий - куклы кукольника Антония. Внезапно! Внезапно! Механически шагая, первая кукла быстро пересекала зал по полудиagonали. Ярость на лице астронома сменилась ужасом, только на миг, и снова вспыхнула до предела. Гербист же сразу бросился бежать, но теперь кукла

уже между ним и "астрономом", который Антония всё-таки не отпускал. Кукла повернула нарисованное лицо к Антонию, истекающему кровью, и подобие страдания изобразилось на лице механизма.

В это время из бокового прохода появлялись новые куклы и вышагивали, делая синхронные упражнения. Гербаист, видимо пытаясь бежать, сделал отвлекающий маневр - поднял тяжёлый фолиант (и там, теснённая вязь: "Рукопись Е") и распахнул его. Леопард был нарисован на странице. Леопард и несколько квадратов. Но этим ли утратить было механизм? С другой стороны, Астроном закрутил сзади руку кукольнику и, ударив его по лицу, потащил к выходу. Он, кажется, думал, что механизмы не будут приближаться к Антонию, боясь расправы над ним.

Настоящее, почти человеческое страдание изобразилось на лице куклы кукольника Антония, почти слезы, и вдруг ЕГО рука, с мгновенным механическим размахом обрушилась на "астронома". Кукла уничтожила "астронома", и УЛЫБКА обозначилась на ней. Это было ужасное зрелище. Брызги от того, что было астрономом, хлестнули в Афанасия.

И с гербаистом сразу произошла непонятная трансформация. Он вдруг швырнул огромный фолиант в бедного, истекающего кровью Антония, нанеся ему дополнительную рану и, будучи, видимо, в раздражении, схватил новый фолиант. И опять вдруг мелькнуло: "Рукопись Е" теснённой вязью. Тот же механический удар обрушился на гербаиста, и обломки фолианта смешались с тем, что остаюсь от Афанасия. Ужас! О, ужас!

Куклы заботливо подняли раненого, истекающего кровью кукольника Антония, и процессия поспешно удалилась. Исчез и красный туман. Мы, оставшиеся в живых монахи, медленно стали приходить в себя.

ФИНАЛ

Но спасение было, как ему казалось было там, в колодце, в центре монастырского двора. Что-то тянуло туда, как к единственному месту, способному защитить от гипсовых рук проклятой долины. Ещё несколько лет назад Бонифатий случайно услышал из непроницаемой глубины колодца усиленные подземельем звуки, напоминающие хор плачущих младенцев. И тогда, подойдя к колодцу, преодолевая страх, заглянул в бездну. Ему показалось, что это огромный зрачок неведомого существа, и что окружающие монастырь скалы, и даже долина есть части этого существа, и что это существо рассматривает его, но не изучает, а манипулирует им, что он становится частью чего-то большого и сильного, способного на нечто большее, чем человеческое сознание. А сейчас, в этом нечеловеческом и казались Бонифатию сила и надежда спастись.

И проснулись обитатели подвалов и акаций, светящиеся жуки манили светом, то отвратительный танец цикад и шум от крыл богомол. Тот тайный смысл, та тайность мысли с окружностью хода в надежде спастись. Все манило, то звуком, то запахом ночного цветника, то Бонифатия манил видимый ему в паутине сосудов зрачок, тот чёрный зрачок колодца. И хотелось погрузиться глубже в созерцаемое этим

странным органом от пепла и краха, гипсовых рук и обломков статуй. И думалось, что раньше писалось когда-то его рукой, но казалось не его, а запись с видимого им, теперь удалённым от страха предстоящего, а значит единственный шанс, и как удар - "единственный". Это означало, что, или может быть ТАМ, за ним выйдут со свечой в руках, или нет, с острой секирой, или другим кинжальным средством поражения караемых. Кадрированные отслои мыслимого одиночества и медленного угасания лампад. А может внутри, в "чаше спасения" - обиталище крыс-убийц? Вот почему уходящие на покаяние (вспомнились группы уходящих с мольбою и молебн по невернувшимся), не возвращались, и к вкусу пищи прибавлялось солон-оватое, с алым оттенком тюльпана. Вкус был странным, или казался таким.

Взгляд, всплеск, взмах и падение по лабиринту, да белая пульсирующая пена из-под щелей построенного алтаря, похожая на молочную рвоту эпилептика.

Перемудрил, снова, может быть всё и не так, и это отчаянье, и рукопись Себастьяна, может просто надо спуститься в обыкновенный колодец, и, ничего не найдя, подняться и войти в лабиринт, и не мучиться тем "единственным". И не производя нужного расчёта на спасение, стать недостающим пятым? И может быть в этом числе, по числу пальцев на руке, и есть тот смысл спасения? Но четверо?.. Как на четырёхпалой руке животного с древней гравюры. Но подумалось, - ведь это фанатики, и их не переубедить, а этот путь мог быть рассчитан самим Создателем!

Опускаясь все глубже, цепляясь за выступы в покрытых мхом плитах, Бонифатий все ближе и ближе приближался к обмороку своего спасения - дну неизмеренной глубины, поглощавшей свет, звук, страх. Надежда спастись, уйти от узанного... и не было конца бездне.

Но долгожданная твердь появилась неожиданной упругостью раздавленных под ногой белых слизняков, обитателей тьмы. С хлюпаньем они лопались при каждом шаге, разбрызгивая пахучую белую жидкость. Попадая на незащищённые сутаной части тела, жидкость жгла, саднила, образуя с болью подобные слизнякам пузыри на коже. Пузыри также лопались, обнажая запёкшиеся сгустки с примесью крови. И Бонифатий побежал, не разбирая дороги, вглубь лабиринта, давя слизняки и неведомые синие грибы, оставляя кровавый след своего секретного пути.

Наконец за поворотом кошмар кончился, и Бонифатий упал на холодные плиты. Час неподвижности, а затем боль от изъеденного грибами тела. И Бонифатий стал мочиться, смывая мочей отвратительную налипшую слизь.

Исчезло время. Исчез и свет от свечей. Подумалось о смерти. Лишь отчётливо светились остатки люминофоров на стенах, образуя причудливые изображения - петроглифы различных оттенков, но подвижные во мраке - может быть неведомая жизнь во тьме - похожей на разум, но не ОНО.

Сначала показалось - чуть заметное - некий секретный код, шаг, импульс - как за верёвку кто-то дёр-

нул марионетку - удар устрашающей силы, неясный от боли в ногах, изъеденных грибами. Бонифатий ждал повторения, уже к нему готовый, но только шум в сосудах - имитация невнятных голосов, звуков и жужжания. Да - отчётливо - скрип - благо рже - то дверь. Вперёд с изгибом, и вниз по лабиринту - спасительная ярость - яркий свет в пустоте, да пустота лжецветений люминофоров. Луч проецировал на стенах каземата отчётливо двигающиеся тени в огнях - монахи с факелами - да трубные звуки, - сопровождение оптически устойчивого кошмара.

Бонифатий не мог понять, но знал наверняка, что свет может быть опасен. Опасность!.. Многократно отражённый подземными зеркалами (плоскость прозрачной слюды повсюду), свет имитировал множество зыбких теней, загадочно освещая то дверь, то самого Бонифатия, то призраки неведомых животных, похожих на людей, но не они.

То были с красными, огнём горящими глазами и шерстью длинного хобота вместо носа существа, виденные Бонифатием на картинах в своих снах. На существах висели лохмотья ряс, истлевших и ветхих, почти прозрачных, местами насквозь просвечивались внутренности, подобные человеческим, а на груди - отчётливо ярко - красный тюльпан, символ веры.

Увеличивая амплитуду, существа вращались, издавая неясные звуки, которые усиливаясь, объединились в одну, похожую на длинный, протяжный крик человека в огне, ноту безумия, отчаяния и боли, агонии и смерти, радости и избавления, и как бы придя в себя существа вышли из заколдованного круга, и шаг

в шаг медленно ушли по лабиринту в темноту, постепенно растворяясь в ней, сливаясь в один неясный, стёртый полутенями силуэт, напоминающий мышь невероятных размеров, подвижную и хищную, опасную для встречи, кинжальным броском умервщляющую все. Её путь был мёртв.

Увиденное превращало каждую мысль в пепел, крах, сомнение. Осторожно (спасительные уступы, шершавые стены) вперёд с оглядкой - ещё один опасный мираж подземелья, и с погружением - смутное беспокойство - неясный контур скульптур и гипсовый надлом алебард. Да! Бонифатий встречал их в монастырской келье кукольника - лепнина статуй и охраны, но здесь скульптура была живой. Медленный марш на месте и крошки гипса вокруг. Марш разваливал скульптуру и эти механизмы из гипса уничтожали сами себя. Дальше стояли, маршируя, остальные рассыпающиеся фигуры. У одних гипс на ногах обвалился, обнажив каркас металлических прутьев. Но лица под бронзу были сосредоточены и неподвижны. Дальше по галерее виделись совсем развалившиеся стражники - торчащие из кусков гипса, когда-то в основу положенные металлические стержни. Они были неподвижны и обезглавлены. Подойдя ближе, Бонифатий коснулся пепла механикуса, пытаюсь найти причину движений и света. Но только холод камня да ржа металла. Ход уже никем не охранялся. За дверью - спиралью уходящая вверх лестница - узкая щель в граните, естественный разлом базальтов с наплывами сталактитов, да медленный ритм падения мощных водопадов где-то глубоко внизу. Неожиданно ход открылся неве-

роятных размеров залой. Амфилады, арки и аркады. Все пространство - океан светящихся люминофоров, причудливых грибов, акаций - все было приведено в движение, но треугольником расставленные свечи горели неподвижно, почти не давая света среди пёстрых свечений ярких пигментов. В движении были и уже виденные существа, но уже в различных одеждах. Их марш, похожий на марш гипсовых механизмов, отличался ритмом и человеческой пластикой. То были изменённые, и превращённые в существ монахи. То была тайна покаяние и тайна монастыря! Бонифатий увидел и кукольника с огромной колбой. Внутри что-то пузырилось и плавало с красным отсветом, напоминая человеческий зародыш. Зародыш рос на глазах, принимая размеры колбы, затем сосуд лопался и выходило существо-муравьед, уменьшенное в размерах и покрытое светящейся слизью. Существо приступало к поеданию люминофоров. Оно было нагим и тёплым, на груди - тюльпан и пепел. Все многократно множилось, изменялось, наслаивалось, превращалось...

ЧЕРЕЗ ДЕНЬ БОНИФАТИЙ ПОКИНУЛ МОНАСТЫРЬ. ЕГО ПОЧТИ НЕ ОБЫСКИВАЛИ.

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

СЕЛЬ

Глава I

Ни слов не подобрать, не изощриться никак. Все было нечто. Нечто равно нечто. А если пересохшими губами и поднималось над жёлтой водой, сверкало в искрах костров каннибалов, то становилось лишь неким, неким - до секретной чрезвычайности. Две-три пагоды у синей воды, несколько тактов смеха, да серпантинном раскрученное пространство. И ещё причудливый извив как бы свободы на кончике бутафорного пера.

Одинокое утро вздымает к небу руки. А он улетучивался медленно, что-то вспомнить пытаясь, с изумлением уже глядя на лотосы, растворенные в индийской воде. А, возвращаясь, чувствовать себя статичным, замеревшим, слившимся с тёплым воздухом. Но мыслились с оглядкой какие-то сети, хитроумно расставленные зловещим рыболовом. Его изощрённо изогнутые чешуйчатые руки. А там, в надоевшей космической дали, светлая прозрачность, растворенная нейтральность.

Ураганный ветер стонал в древних руинах, гулко дрожали мосты, плыли в убывающей памяти прихотливые шоколадные дома из тёмного кирпича во вьюнах, летели обрывки старинных воззваний, а рядом,

из наспех вырытого окопа, наблюдали что-то сосредоточенные лица в кайзеровских касках и моноклях. А он мечтал встретить все это ещё раз в некоем зоологическом саду, сам будучи защищён надёжно.

Однажды лишь не было ритмичности в смехе. Было это в детстве. Тогда он с подобными себе неуловимо, набрал во время жары в наиреальнейшие бумажные пакеты великое множество радужных чернил.. И проносясь по улицам в новом, лиловом, сверхскоростном, спортивном, открытом автомобиле, они дудела изо всех сил в самодельные флейты били в похищенные барабаны и обливали задрапированных прохожих радужными чернилами.

II

*Великолепный, великолепный
Из желто-яркий
Мой моветон!..
Дорогая, слушай, слушай –
Я обмотан в паклю пентаклей.
Где же твой нервный смех,
Чуть летучий?
Скучно...
Утки из китайской поэмы
Плывут по реке...
А не рвануть ли нам в Петербург!
По железной дороге,
Приглашение к. призракам, павшим кумирам,
Весь в чужие порывы вплетён
Я скакал там в ужасе по площадям,*

*Между колонн, рушащихся с грохотом,
И внезапно падающих монументов,
Дорогая, ... Ты слышишь?
Восторг,
    Восторг,
        Восторг - моё любимое слово...
Но видишь ли, - странный случай –
Утки все плывут по реке,
Медленно,
    Витиевато,
        И чуть летуче...*

III

*За восприятием –
Последний, цельный,
Тому самому, и... и...
Среди старой бумаги –
Устой привередливости.*

IV

*Улетевших спиралей
Эстраль закружился

Последний экстаз
Бредившего гигантомана,*

*После милого детства
Разбитых статуэток —*

*Усталые эналиды,
Человек — растение в заблудившихся азиизмах.
Томительный ужас канатоходца
Оборвавшихся гипсовых струн.*

*Нас никто не встречает,
Лишь усмешки картонных стен,
Во всю длину раскрашенного коридора
Руки-лианы маньяка - дирижёра,*

*А в надрывах наглухо закупоренных раздвоений
Последний Парад безумных билиардистов!*

И плача, вздыхает нота ЛЯ из неизвестного рояля...

*Двенадцать часы отбивают —
Двенадцать мистических снов.
И три дня из такого короткого лета ...
И сгинул июнь нечаянно,
И два императора, беседуя и перекликаясь
Уже проходят через меня...
И видна осень
С первым холодным воздухом-
Ах лето, лето —
Отрада убогих...*

*И снова снятся сны
Среди высоких трав.*

*Мы идём по ночному лесу
И вдруг вспышка магния!! –
Это больной извивающийся фотограф.*

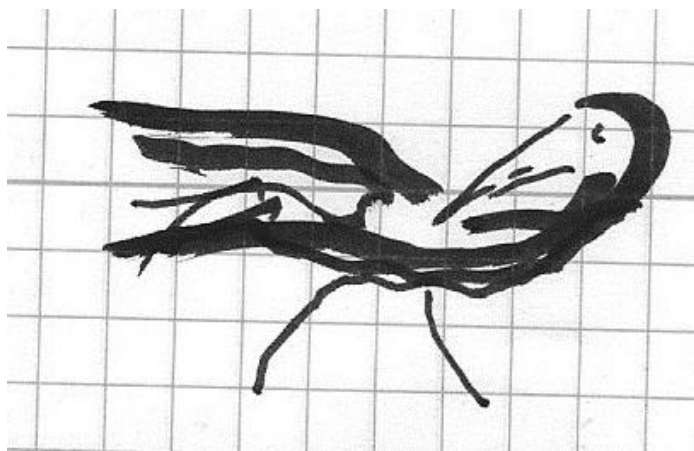
*И птицы
внезапно
скрестили на нас
Свои сумасшедшие взгляды! –
Ведь на закате
Время нас встречало,
Какие нам экстазы раздавало!
И как потом надменно изменяло...*

*Буква О в слове
Расплескалось, проснулось,
И превратилось в лист экзолей.
Но слово внезапно освободилось,
Качая головой,
И вдруг забыло самого себя.*

*Но пятипалые пальцы
Изумлённых листьев рододендрона
Что-то помнили об укоризненном взгляде
Вагон, преисполненный
Пародийными злобными существами!!!*

*Среди имперских развилин
Бессмысленный рёв саксофона!*

*Усталые монокли
И усмешки креодонтов –
Аэробы новых эрстралей
Улетивших надзвёздных миров!*

V

*По клумбе сумеречных роз
Где византизм убогий сполз,
Автомобиль огромный,
          красный и
                  прекрасный
Как песня Господу прополз.*

VI

*Хитрые апофеозы безумной злобы –
Сморщатся и уползут в свой разломы.*

VII

*О, Петербург! О, Царское Село!
ОО! ООО, О, ОО...
Нам бы ещё немного
Какой-нибудь ностальгии,
Кажется, мокрый кораблик на шпиле...
ААА! Здесь противные тамбурины...*

VIII

*Облако справа
По небу налево
Светясь, прилетает,
И опять улетает, опять,
Метаморфозой прощальной.
Только белый, убийственный грим на руках,
И бессмысленно вверх
Возлетающе сонно зеркально
Расставляя зеркала наугад..*

IX

*Порой темнеющих заливов
Я испивал закатный снимок
Немного радостей унылых*

*Ты подарила мне -
Зачем?
Поэт стоит как часовой
Как конвоир часов закатных
А ты внезапно подкатила
И изменила мой настрой.*

X

*Фраки и факелы
На горящих фиакрах,
Бутафорно-порывно
Промчались к карточному клубу.*

*А гуляли в маленьких макинтошах,
И долго удивлялись друг другу.*

*Клуб, Клуб... Клуб -
Остановились лошади у картонного подъезда,
Но атрибуты вскоре упали,
И закружились болезненно и бесполезно...*

Фраки и факелы ...

ХІ

ПОТОК

Глава I

Он сидел неподвижно. Что-то близкое и неотступное тихо шелестело между ОКОННЫХ рам. И как в детстве, не помня от чего ему захотелось спрятаться в зеркало, в своё отражение между Тем и Этим. Но холод немного стекла все мешал просочиться незаметным сквозняком через портьеру прожитых дней. Нечто удвоенное, поставленное в угол его комнаты, постоянно мешало, меняло формы и гримасничало с малодушным смехом. Это и называлось тем прихотливым, написанным на бумаге, полузабытым. И хотя оно и принадлежало ему как спички в коробке, Он только иногда, скорее от холода вспоминал, чтобы сразу забыть. Но ни лица, ни замысловатые звуки не мешали ему ещё и ещё всматриваться в своё отражение и путешествовать в нем. И как будто боясь берегов, уходили в глубину полуслепые отроки, где просвечивая НА гранях, скорее от усталости, застыли в парадоксах давно уже немые гиганты. И лишь иногда, никем не узнанный, Он, спрятавшись от дневного света, наблюдал издали за плясками дикарей в африканских масках, слышал монотонный бой тамтамов, и видел отблески ядовитого огня на бронзово-чёрных телах. Каждое движение этих, может быть когда-то живших людей, пульсировало и в нем незаметной жилкой.

И прямо снизу, возвращаясь на поверхность, Он замирал от давно уже уставшего неба, где в сумерках ещё были видны тонкие паутинки витиеватых словосочетаний.

А иногда, на мохнатых паучьих лапках слышалось ему чудаковатое пение. Мессы растений и ветра. Ведь пройдя по незаметной тропинке, ближе и ближе к истокам, Он все пристальнее вслушивался в торопливые крики ночных обитателей мира где нет сна.

Но вот кончился мираж и появилась дорога. Она знала, манила идти все дальше и дальше от пустынных берегов.

Он стоял, боясь сдвинуться с места,

— Что дальше?

— Оцепенение. Он вдруг почувствовал хрупкость своего тела. Почувствовал как из маленького ветерка все сильнее и быстрее вырастали обугленные, чёрные деревья. А по обочине зацвели прекрасные цветы без нектара, посаженные искусным садовником.

Но обломились руки и упали рядом, словно вещи. И затрубили тысячи труб. Забили тысячи барабанов. И Он пошёл. Пошёл таким как был — без рук и ощущений.

Неведомая сила направляла его. А трубы все трубили и трубили. Барабаны не умолкали, а даже наоборот их монотонность усилилась до силы грома. И ему казалось, что это настоящий гром, только без дождя и молний.

И стало подниматься из-за горизонта зловонное войско насекомых. Это сплошная, смеющаяся, чавкающая масса, как игрушки-роботы вышагивали под дикую музыку опьянённых музыкантов.

XII

*Я нарисовал
Зонтик
Без дождя.

Потом тень
Без меня
Затем дождь
И меня
А может быть
Зря я рискую?*

XIII

*Средь сломанных акведуков
Запах неба. В полночь.
По раскалённым плитам
Хохочущих маятников,.
Пигмеи раскачивают
Пульсирующий шар.
Две тонкие линии
Между началом и концом
Линии дрожащих Губ
И неувиденных сновидений.*

XIV

*Расслабившиеся ихтиандры
В рыбьих плавниках прозрачных перепон.
Всплески,
Всплески рук
Там – в Амфитеатре!
Где-то очень давно.*

*Развалины колизея
В руках обезглавленных Римских статуй,
Кони с окровавленными губами
Без седоков,
Забытых там,
Где нет дорог.
А они идут, забыв куда.
Но ниоткуда, но ни...
Откуда? Откуда мы?
И больше ничего.*

*Два быстрых взгляда
На падающие потолки.
Сквозь водостоки
Сухим песком
Осыпался воздух.*

*А за портьерой поставят экран.
Экран наиреальнейших сновидений...
И старый иллюзионист
В подслеповатых иллюзиях
Расставит знаки
Престранных препинаний.*

XV

*Тонкие руки
Над ветхим папирусом.
Шелест дикого ветра
И нетронутых роз.
Незаметно.*

*Вампиры среди розданных карт.
В катаклизме раскрытых ртов.
А между шевелящихся губ
Дёргающиеся карлики.
Незаметно.*

*Измученный маятник
С белым кругом без стрелок.
Крики гиппопотамов
И ядовито-жёлтый песок.*

XVI

*Ну что ж.
Хотя впрочем?..
Я ещё не устал.
Хотя может быть...
Впрочем...
Ну что это Я?
Не соорудить ли
Гримасу сумасшедшего
Совсем неприхотливого
Папоротника.
Или...Или впрочем
Ну что ж. —
Я закончил.*

XVII

*Я произвёл над собой
Операцию.
Обнажённый стою
И прозрачный.
Как хрусталь
Хруст пальцев.
Удары оголённых зубов
Над пеной несбыточных,
Давно умерших ощущений.*

*Но что там, внутри?
Пульсирует, мешая мне заснуть*

*В хаосе простого бреда
Без снотворного...
Я – гипноз.*

Всё иное, иное, иное...
Через бесконечность - в иное...

XVIII

Оазис сновидений
В голубых тогах
Летающие паутинки в сухом
воздухе.
Через континенты
Ровно нанизанных звуков.
Где розовый Фламинго
Крики павианов
В павлиньем экстазе –
Бескрылые страусы.

*Снега...
Нависают скрипучие
Белые зимы.
Монотонность нескончаемых
                        праздников.
Мы – тень гофрированных переходов.*

ХІХ

СЕЛЬ

Глава II

Набор украшений, несколько фраз, парафраз и пальцы, оторвавшись наконец от рифлёной платины, там, и со скудным зноем души разбросанный ряд предметов, как то: камин, кальян, другой камин, но весь уже разрисованный, и вот мерцающая игра гравюры из глубины и рядом других чуть смутных вповалку, и новые светящиеся штрихи, и опять, в очень длинном и узком поезде проснулся и долго вспомнить не можешь. А в глубине опорно-монолитного склепа - дуга ночного рёва.

Мы совершили очередной обмен молча и я улетел. Наводчики, наводка, лесть... И нет того дня, где я очарован был бы другими.

Разбитая панарамная дрянь и Её неожиданно красивые сапоги. О!, восторги тайных корон!, Пленное племя пламени плывущих ладоней. Она читает Гофмана, а цветная вереница больших прозрачных шаров спиралью уходит в бесконечность до новых воображаемых вокзалов.

*Карминово солнце,
А мы уезжаем
на белой карете...*

но та тонкая пластина, с которой я, спотыкаясь, как бы протягиваю к тебе руки, тобой отменяется, и я повисаю, не решаясь уже вновь зацепиться. Гипс, лето, обморок...

XX

*Неясный фантазёр,
Обратно возвращаясь,
На круг больших орбит,
Обманных криков чаек.
Затверженности нет,
Не бойся, – взлетаем,
И криком раздираем
Над головой разбег.*

XXI

A.

*Всё тоже, что тоже;
Устав, обернуться
Шаги пешехода, –
Весьма осторожно...*

B.

*Осторожно! –
Мрачнеет провал зазеркалья.
До свиданья...
Откуда ступени?
Наверное. Сценарий...
Чрезвычайно назойливо!
До свиданья...*

С.

*В улиткой свернувшимся пространстве –
Картавая точка....
Но злобный вскрик барельефа!
И со взмахом, с назойливым взмахом..!*

XXII

*На стене
Очень плохо нарисованная лошадь.
БОМ –
Слух заострён.
Сломанных злых репродукторов Бом,
Бим-Бом.*

XXIII

*С юга эмиссар и клетчатом пальто
С чемоданом австрийским
Заметал в подворотню сквозную,
Браунинг в потной руке.*

*Погоня с воз,душного шара
Шипя воздухом, опускалась
Ищейки балластом кидались, метались,
Обсыпая углы Петрограда и лозы
Из винного погреба, там где
Тайный клуб декаданса
В заколоченном проходном подъезде,
Там где склад шоколада,
Ещё довоенного,
И клаксоны автомобилей
Укрыты от реквизиции
В пыльных ящиках
Там где на Невском
Разбегались с пледрами
Последние кокаинисты*

XXIV

*Афиши азартного цирка
Сдираясь до крашенной точки
Ты смотришь опять отрешённо
Последний сезон побережья
Монахи прошли чередой
Всё стало назойливо честно
И в лёгкий кобальтовый рог
Протрубить краем рта неуместно.*

XXIV

Там,
На зеркальных прудах,
Где гремят византийские марши, -
Ты вся в огнях!
А лицо
    В языческих астрах,
На чёрной ткани
    Фиакра, –
Твои покровители
В подчёркнуто строгих плащах
Падают
    И плывут,
Шевеля незаметно губами,
В Ленинград! В Ленинград!
Там, на больно-зеркальных прудах.

ПОТОК

Глава 2

Мрачный и угнетённый, в точности припоминая грозные очертания надрывов, уводивших от привычного хода мысли, Он превращался в какое-то странное кружение огней. Прямо по дороге, из света ночного автомобиля выбегали навстречу измученные ГНОМЫ с раскрашенными чем-то ядовитым /метил флаконов/, качающимися на длинных палках уродливыми куклами. Но автомобиль уносил прочь окружающий ужас, а впереди, безрадостно изогнувшись показывались новые тени, бегущие навстречу.

Все эти Пьеро и Мальвины, в конце концов шлёпались в лужи, и взлетали вверх почти лопнувшие детские шарики.

В порыве смеха непристойно промчался грузовик с одной фарой, а дальше, за полосой едкого тумана, - почти кривые зеркальные стены. Колыхались флаги, транспаранты, пролетали аэропланы и дирижабли, осыпая праздничную толпу бумажными пакетиками,

Замелькали огни аэродромов. Последний старт пожилого дельтапланериста с летальным исходом. Так уходит из жизни настоящие покорители различных пространств.

Зачем-то сразу вверх, непонятно откуда, с гремучим шипением высыпались яркие ракеты. Осветили на несколько мгновений сначала городскую свалку, потом пустырь, и на излёте фигуру странного старика с фонарём. Третий инсульт был последний.

Предчувствие его не обмануло. Вместе с закатом, из-за горизонта, возникало подавляющее воображение, хаотическое нагромождение предметов: гипсовых скульптур, паровозов, портретов, протезов. Соединив все в одно целое, получилось

– СПЕКТАКЛЬ ЗАКОНЧЕН.

XXV

*Надломанные паутинки
Бесконечных соединений
И без числа
Пустые клавиши
Чёрных роялей без струн.
А внутри, все быстрее и быстрее
Бегут, размахивая короткими руками
Толпы карликов во фраках,
И играют странную увертюру
Клавишных стуков ТАМ
Где без стен, без потолка
Летают чёрной птицей
Парадоксы несыгранных нот.*

XXVI

*Кружится, кружится
Безумие
Рождественских сновидений.
Тепло снизу
От самых*

*Натянутых полосок света,
Из окон,
Наружу надрываясь,
Через прозрачный холод
Остеклевевших пальцев,
Во внутреннее тепло сводов
Приюта для умалишённых
И сумасшедших.
И вновь тишина одиноких елей
В клоунском наряде.*

XXVII

*Люди меняющие обряды
И маски лиц.
Два глаза на выкате — как бы отдельно.
Без орбит.
Испуганные птицы,
Бегущие звери.
И неузнанные тени.
Ветви детских снов
В запахе новогодней хвои.
А между — проклятые двойники
В холоде трамвайных искр.
ДА, ДА!
Очередь неудачников.*

XXVIII

*Неслышно тает лад
На праздничных игрушках.*

*А чёрный шар летит в пространство
Обозначенное кривыми зеркалами.
И ещё чем-то, чем-то непохожим.
Старый фигляр
В прозрачном клубке капилляров
Застывший над венозной пустотой.
И посох пилигрима вместо лет.*

XXIX

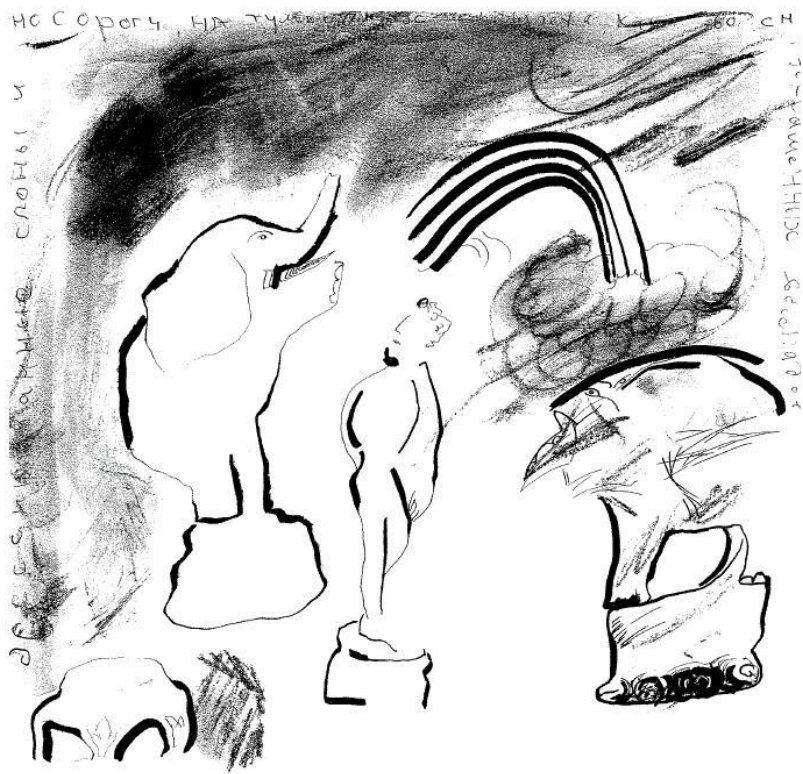
*Зелёно-жёлтый свет
Сквозит из пустого,
Раскрытого настежь монумента.
И нет стен,
Отражающих звуки
Тревожно бьющих барабанов.*

*Ветер в лицо
Без двенадцати
В полумраке призрачных теней
От полузакрытых век.*

*.....
Дрессированные слоны и носороги
На тумбочках, подулежа
Как во сне раскрашенных водопадов
Просто так
В скрипучем смехе
Скрипки...*

скрипки...

скрипки...

*Зелёно-жёлтый свет сквозит из пустого,
раскрытого настежь монумента...*

XXX

*Лица в оранжереях
Без глаз, восковые
Вместо гниющих роз
Испаряющиеся фейверки.
Я также пластичен
С губами немymi.*

XXXI

*На горящих эшафотах
Вскружение всплесков
Распятых перчаток
И.....
Пятнистые тени
Впалых рук
Обугленных лап
Прорастая изогнуто
Все в том же
                    круженьи извечном.
Молнирующий сон
Парадоксально изогнут
Изъеден
Мерзавцами в треуголках
Без перьев.
В хороводном вращенье
Растущих грибов
И прочих ползущих
Наполненных слизью
Иссохших фантазий.*

XXXII

ШЕСТВИЕ ОБЛОМКОВ

*По тёмным переходам
Готически "ужасных"
Страхов.
Умерщвление
Странных монахов.
Бледные лица
Проходят колонной.
Смеётся довольно
Умалишённый.*

XXXIII

*Беспристрастно
Суд ворочает оком
Напрасно
Слежка ночная . . .*

*Мимолётный прохожий
Как кастетом протез отбивает
Зацепил пролетая
Над баллюстрадой
Отставных сумасшедших
И генералов.*

*Я здесь. Я не спрятан
В пустой смех
Пусть даже "летучий"
Я - может быть скучен.*

XXXIV

*В разбитых, молчащих
Беззлобных уныний
Растоптанных... И
Предчувствий
Вины и дознаний
В себе истреблённых.
Вскружений извечных
Подсвеченный клавиш.*

*Без строгости вечной
Две нити в круженьи
Испачканы тенью
Слепого калеки
Запуганы вывихом
Странных сомнений
Готический страх
Немого в забвеньи.*

*Ушедших предчувствий
Ненужных дознаний
Всё в точки погруженных
Нити и желаний.*

Умчались кареты ... Без пыли...

XXXV

*Почётный караул
Игрушечных солдатиков
В руках обезумевшего
Старика – генерала.*

*Безвольное самоуничтожение
Нарисованных миров
Баталист в агонии
С бальзамом из крови
Неизлечимо болен*

*Как грязь на картине
Засохли кумиры
И вдруг...
Личинка сомненья
Изгрызена тленьем.*

*В параде застыли
Корявые тени
Глумливых сюжетов
Надписанных ленью.*

XXXVI

*Умчались кареты
Без пыли.
И тени
Испуганных попугаев
Ещё долго были
Похожи на блики фонарей
Молодых виртуозов и скрипачей.*

*Но осели сумерки
И началась вакханалия
Уже надоевших вампиров.
Но вдруг
Неожиданный испуг. . .
Поток убийственных теней
Предчувствий и. . . . .*

*Все быстрее
Под неусыпным надзором
Пробегать по коридорам.
Агенты тайного сыска
С длинными ножами
И подкрашенными глазами
Уже перестали бояться света
И медленно выползали
Из своих секретных дверей.*

XXXVII

*И только тленье
От соприкосновенья
В окружении
Обломков
                    безразличных
К пространственным сдвигам.
Туда! СКОРЕЙ!
Где холод беззвучных шагов
На сотни миль
Растянутых снов.
Где в покое
Чуть дремлющие
Бесстрашные каменные
Истуканы.*

XXXVIII

*Над акваторией океана
Странная высадка
Измученных аквалангистов –
Всего лишь прихоть
Почётного адмирала.*

*Пляж инвалидов
В следах и шрамах
На подвижных колясках
Бесшумно подкатили
По шуршащей гальке
К последним наслаждениям –
Пенно-беловатому прибою.*

XXXIX

*Весь в белом гриме
Старый клоун
Моложаво качнулся
Оступился и упал,
Уползая из развалин
Оставив всеобщий смех
Сморщенных маленьких чудовищ-лилипутов*

*Опьянённые всеобщим психозом,
Предчувствием тайных соблазнов
Все заняли ложи.
Стук в дверь помешал осмотреться,
Всего лишь стук . . . —
Два такта смеха
Гормоны страха
В большом количестве
Приступообразно
С выделением мутных событий
Среди бежённых гонок трамваев
Уже оставили парализованных страхом
Людей. И их бессвязные голоса
Оставили следы
На стенах и эмалированной посуде.
Рождество . . .
    рождество . . .
        рождество . . .*

XL

Гонг в тонах, трубы...
Нет, – над галерой на жёлтой воде
Гонг в ядовитых тонах . .
Одна,...
Две,...
Три,...
Все твои
Как нелепый взмах от стены
То есть – лёгкий ветер
Искусства ...
Но их относит наверх,
От тебя ...
Там –
Звёздная Личность ...
Вор!
Нет , –
Предупреждающий !
Там – над покровом полотен –
Солнце – фонарь театральный ....
Агент в красном,
На песке,
Читает Уилнера,
Лёгкий ветер как факел, –
Но из-за звёзд,
К тебе ...
Несутся по небу ...
Галеры на жёлтой воде!

*Распахнуто небо ...
Гребцы неподвижны ...
Гребцы – скульптуры из стали,
Ты посмотри,
    Как стелят они
        Свой шаг!*

*...
Ссохшиеся лица казнимых ...
И над ними высятся из-за звёзд
Лица карающих
    В стиле Гёте
В цветных мундирах...
О! –
    Праведник яростный !
Попирает все эти хари!
Звёзды –
    Консервные банки
Для праведника...
И остаются ему
    На бетонной стене
Лёгкий ветер как факел, –
Гонг в тонах, трубы...
Нет, – лучше, – гонг в ядовитых тонах ...
И галеры
на жёлтой воде ....*

ПРИМЕЧАНИЯ

р. 11 *опрокинул по шкалику*. Возможно, неточная цитата из рассказа В. Некрасова о встрече с В. Набоковым по радио Свобода: "виданное ли дело чтобы два русских человека встретились и не опрокинули по шкалику".

р. 21 *не приближаясь ничуть*. Возможная аллюзия на "и сами места сибирские, архангельские и вологодские не изменились ничуть, не удивлялись нисколько" (Солженицын А.И. "Архипелаг ГУЛаг". Том 3 часть 6 глава 1).

р. 49 *И никого не пощадят ...* изменённый текст Пастернака Б.Л.

р. 53 *он медленно открыл усталые глаза* – изменённый текст из стихотворения прочитанного в самиздатском сборнике в конце 70-ых годов. Там указывался как источник журнал (газета?) издававшийся в рамках советской системы принудительного труда начала 30-ых годов и публиковавший литературные материалы. Стихотворение было случайно пропущено цензурой. Оно начинается так:

*Едва ль постичь он мог что истекали сроки
Лишь в книгах редкостных отрада старика
И пудра падала с седого парика
На инкунаболы готические строки....*

р. 64 *полуслучайность, полубред*. Аллюзия на Мандельштама ("как бред овечьих полусонок").

рр. 81, 84, " " обозначают выпавшие латинские выражения.

р. 113 В Volvox к стихотворению XXIV была дана сноска: ритм соответствует плану Петрограда /М.Фобов/.

*****

Roman CHEPIGA
Konstantin KUPEEV
"CAMPUS GIPSUS", 2013

Published in author's edition.

The book is illustrated by works of Miri Braginsky.
Drawing on the front cover is the work by Roman
Chepiga.

© Roman CHEPIGA, Konstantin KUPEEV, 2013

All rights reserved by the authors.
כל הזכויות שמורות

"Medial", 2013
Rishon le-Zion, Saharov str. 11, (972)-3-9415111

ISBN:978-965-559-006-7